

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Кира
РАЙТ

18+

ОСТАНЬСЯ

В плену у зверя

В плену у зверя

Кира РАЙТ

Останься. В плену у зверя

«Автор»

2022

РАЙТ К.

Останься. В плену у зверя / К. РАЙТ — «Автор», 2022 — (В плену у зверя)

Маленькая, беззащитная, светлая девочка – такой мне казалась моя только-только обретённая пара. Просто нежный цветочек, который нужно оберегать и защищать от всего. Но именно она не просто вонзила мне кинжал в спину, а выстрелила в грудь, глядя прямо в глаза... Только тогда и выяснилось, что мой «цветочек» вовсе не желает сидеть под хрустальным колпаком ненужной ей заботы. И я ей тоже не нужен. Поэтому теперь мне необходимо принять одно очень важное решение: либо смириться и отпустить, либо заставить остаться любым способом... И, кажется, я уже сделал свой выбор. В книге: разница в возрасте; преодоление трудностей; драматичные моменты, много; обязательный ХЭ. Первая часть истории - роман «Дыши со мной», цикл «В плену у зверя». Содержит нецензурную брань.

© РАЙТ К., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	31
Глава 10	36
Глава 11	41
Глава 12	48
Глава 13	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Кира РАЙТ

Останься. В плену у зверя

Глава 1

Я откинул голову назад, позволяя ей целовать свою шею. Нежные, тёплые губы исследовали мою кожу, миллиметр за миллиметром. Она не торопилась, медленно двигаясь вверх, водила по ней носом, глубоко вдыхая (ну да, ей же нравится мой запах). Осторожно гладила подбородок, тёрлась о него своей щечкой, и этим движением щекотала мне нос пушистыми, хоть и уложенными в идеальную причёску волосами.

Не удержавшись от соблазна, я сковал её в своих объятиях, привлекая ещё ближе, заставляя распластаться на мне сверху. Так её колено оказалось между моих ног и упёрлось в пах, провоцируя и без того уже предельное возбуждение. Глухой стон я не удержал тоже, но кажется ей моя несдержанность только нравилась, потому что в следующее мгновение она немного робко, но провела влажным язычком по моим губам, дразня, распалая острое как никогда желание.

Её до сих пор непривычное поведение и контраст поступков опьяняли. Кажется, я вообще терял голову. А может потерял её уже давно. Ещё когда только увидел её впервые. И не так просто сказать, в связи нашей дело или в том, что эта девочка одним своим существованием в этом мире, стала для меня самым важным, самым нужным условием продолжения жизни.

Всё ещё боясь спугнуть, я осторожно перевернул её на спину и невесомо коснулся её губ своими. Она сразу же потянулась навстречу, отвечая на поцелуй. Не так, как когда-то раньше, механически, а страстно, вкусно, даже игриво куснула мою нижнюю губу, а потом скользнула по ранке язычком, извиняясь.

И такой ей я простил бы всё на свете. Что угодно.

Усмехнулся про себя, вот может же быть ласковой, отзывчивой, открытой. Наверняка сейчас этим всем что-то выпрашивает, потому что вряд ли всё это могло обломиться мне просто так. Но и без того я исполню любое её желание.

Девочка подо мной была расслабленной, спокойной, позволяя делать с собой что угодно. Доверчиво обнимала и тянула к себе за шею. И это ощущение, когда её тонкие пальчики сжимались на моих плечах или шее, а из розовых, припухших от моих горячих поцелуев губ, вырывался тихий стон, пронзало меня насквозь. Я был её целиком. Только её.

– Можно? – потянул вниз бретельку бежевого с какими-то переливающимися нитями платья.

Она кивнула, не отводя от меня своих огромных, наполненных нежностью глаз, прогибаясь в спине, чтобы позволить мне нащупать и расстегнуть молнию. Естественно, я незамедлительно это сделал. Хотя платье сидело на ней идеально. Делало её совсем другой. Не такой, какой я видел и знал её раньше. Взрослее, увереннее... желаннее...

Но без него всё равно лучше.

Образ подчёркивала и новая причёска. Не знаю, кто надоумил её выпрямить волосы, но это сделало её женственнее. И вот сейчас я стягиваю с неё непривычный предмет гардероба, глажу шелковистые, пахнущие ею и чем-то ещё неуловимо приятным пряди, не забывая целовать открывающееся взору тело. Чувствую, что она по старой привычке иногда немного напрягается, но стоит мне погладить или поцеловать где нужно, как вновь забывается и принимает взаимную ласку.

На ней больше нет ни одного шрама, даже на лице ничего не осталось. Я уже почти забыл, что они на ней вообще были. И хоть моя девочка осталась очень хрупкой и тоненькой, кое-

что всё же изменилось. Например, она не выглядела болезненно-худой, не было того синего оттенка под светлой кожей, а в нужных местах появился совсем небольшой, но заметный для меня объём.

Ведь я знал её всю настолько, что любые, даже самые незначительные изменения мог подметить. И все они мне в ней нравились. Её совсем небольшая, но невероятно желанная грудь, немного округлившиеся бёдра, даже ручки больше совсем не тонкие ниточки – теперь под кожей напрягаются едва заметные мышцы от каждого её движения. Она порывисто выдыхает, прижимаясь ещё ближе.

– Соскучилась? – спрашиваю, подбираясь к нижнему белью в тон платья.

Будто специально это всё надела, чтобы меня свести с ума окончательно. А то мало того, что я уже и так не соображаю ничего, стоит ей оказаться рядом. Теперь нашла ещё и новый способ отключать мою голову.

Но в ответ на вопрос она только целует снова, заставив склониться над ней, а сама в это время медленно укладывает одну свою ножку в чулке на мой торс и спину. Так раньше не делала. И я улыбнулся прямо во время поцелуя, не отстраняясь, хотя она и не остановилась, продолжая покусывать и ласкать мои губы, а рукой гладить затылок, путая волосы. Но точно заметила.

– Я всё равно сделаю всё, что ты захочешь, – шепчу ей, расстегивая ширинку и стаскивая с себя джинсы, а потом рывком срывая дурацкую белую футболку с огромным авокадо.

Элисса закусывает губу, разглядывая меня снизу вверх и ведёт розовыми ноготками наоборот от груди до паха, словно царапает, хотя на самом деле не оставляет даже следа, только возбуждает сильнее.

И сейчас, глядя на неё с такого ракурса, я не имею ни одной тысячной сомнений в правильности того, как поступил с ней когда-то. Кто знает, как бы сложилось, прими я тогда другое решение...

Приветствую всех на страницах этой новой книги, но не новой истории♥

Глава 2

Гораздо раньше

Как только я упал на пол, Элисса кинулась ближе и зажала ладошками кровоточащую рану от пули на моей груди. Только кровь продолжала пузыриться между её пальчиков, и в итоге пара отступила. Ненадолго. Почти сразу снова приблизилась, начала трясти меня, потом подорвалась с места к выходу, наверное, собиралась бежать или звать кого-то, но передумала почему-то и вернулась к моему бездыханному телу.

Так происходило несколько раз. И эти её метания с каждой новой минутой уменьшали вероятность моего выживания. Хотя я продолжал лежать на полу, всё равно уже не имея возможности дышать. Сердце не билось и подавно.

Девочка коснулась моего плеча, тихо позвала по имени, потом обеими ладошками обхватила моё лицо, оставляя на нём красные следы, и попыталась приподнять, привести в чувство, что, конечно, не вышло. Беспомощно огляделась по сторонам, а дальше... просто села рядом, обняв себя за плечи и положив оружие между нами. Она не сводила с меня глаз, но даже не плакала, глядя на проделанную ею во мне дыру.

Пёс ткнулся ей в бок носом, и она пояснила ему совершенно отстранённо, так, словно меня здесь нет вовсе:

– Я его... убила... Он умер.

И продолжала сидеть, немного раскачиваясь. Словно ждала чего-то.

– Но наверное лучше бы он сделал со мной то, что хотел... – размышляла она, не отрывая глаз теперь от лужи крови, которая, растекаясь от меня, уже касалась её босых крошечных стоп.

Она даже не отреагировала, когда в комнату вбежала горничная с криками. Не сдвинулась с места, когда влетела моя охрана. Хорошо, я заранее озаботился тем, что в моём доме были только те, на чью верность хотя бы можно было рассчитывать, ведь другие просто добились бы.

Кто-то из ребят, взяв её под мышки, оттащил в сторону, усадив в углу, рядом с подстилкой собаки. А Элисса словно не чувствовала, продолжая смотреть только на моё тело и раскачиваться. Когда же меня унесли, то пытались сообразить, что делать с ней. В итоге один из мужчин подошёл к ней и поднял на руки. Только тут Элисса закричала и начала биться, пытаясь вывернуться. Подошёл второй, и вместе они завернули её в покрывало с кровати, а потом унесли, закинув на плечо.

Пса заранее закрыли в ванной, но даже так был слышен его лай и вой. Он собирался защищать её, несмотря на очевидную разницу в размерах с противниками. А ещё успел куснуть того, кто затаскивал его в санузел. Его не пристукнули только потому, что вроде как это был и мой питомец тоже.

Вообще стало как-то не по себе от этой картины. Собственный безжизненный вид на полу и храбрость пушистого комка не вызвали столько эмоций, как сцена, когда её, крошечную, скручивают два амбала всего немного меньше меня по габаритам, а она бьётся, кусается, кричит что-то нечленораздельное. Просто от страха. Но они поступили так, как считали правильным, не зная, что делать с убийцей главы прайда, которая к тому же его жена. Это единственное и спасло её от самосуда. Потому что как бы не желали смерти мне, того, кто покушался на жизнь главы без сражения ждала смерть или вызов на бой.

Сражаться с Элиссой никто бы не стал.

С другой стороны... прежнего главу убил я сам, а они даже слова не сказали, только пришли потом за подтверждением права. Но это конечно от того, что я имел это самое право изначально по рождению и был сильнее их всех. А она... В общем то, что она ещё жива –

тоже благодаря моему решению связать нас узами брака. Бесплезного, ничего не значащего для неё брака.

И всё же моё раненое во всех смыслах сердце сейчас ныло от того, что кто-то пугал её и возможно причинял боль снова, пусть и ненамеренно. Что она столько времени провела где-то одна, не зная, что её ждёт. И наверняка напридумывала себе самые жуткие из возможных вариантов... Стоп. Судя по реакции, ей было всё равно, что убила меня. Так почему снова думаю, что она там чувствует? Может, вообще ничего.

Я закашлялся, схватившись за перевязанную грудь, и закрыл крышку ноутбука с записями камер. Всё, что хотел, уже увидел. И выводы сделал.

– Где она?

Молодой парень из моей охраны, вроде как один из товарищей Эрлана вытянулся по стойке смирно.

– В загородном доме. В одной из комнат.

Кивнул. А куда ещё они могли её деть? Оставить в моём доме – могла же сбежать. Удивительно, что сразу не попыталась. И не защищалась от них пистолетом. Зато в меня выстрелила почти без раздумий.

Я поднялся и вышел из своей палаты. Впервые за последние две недели с лишним.

Мне просто повезло. Пуля прошла навывлет, повредив лёгкое и лишь царапнув сердце, но, во-первых, я оборотень со звериной регенерацией, а во-вторых, везунчик хоть в этом. Сколько раз я уже должен был умереть? Не сосчитать. И каждый раз выживал. Вот и теперь... выжил. Значит, зачем-то это было нужно.

Перед тем, как возвращаться домой, заехал за ней. Больше не строил иллюзий. Не мечтал. Не собрался ничего исправлять. Какое-то долбанное дежавю. Но и бросить её там тоже не мог, хотя, признаться, идея была. Просто оставить её там, как и остальных бывших пленников, лечить так же, как других, и относиться как к другим – делая, что нужно, а не что они хотят или не хотят. И раз ей всё равно, остался ли я жив, то и не приходить больше. Не говорить с ней. Не видеть её. Жить своей жизнью.

Но наша связь как на аркане тащила меня в загородный дом. Да и чтобы окончательно прийти в себя, пара мне просто необходима. Без неё в клинике пришлось несладко. Многие уже заметили, что я восстанавливался слишком долго для оборотня, а ведь был главой прайда. Что ж. Значит, буду держать её, как и прежде, рядом.

Чуть притормозив у входа в её комнату-камеру (тут почти все такие, с решётками на окнах), выдохнул, успокаиваясь, и толкнул дверь, сразу окинув взглядом помещение.

– Вы правда живой!

Девочка вскочила с постели и бросилась ко мне, протягивая вперёд руки, словно бы собиралась обнять или коснуться, и я даже рефлекторно шагнул навстречу, но тут она резко затормозила. На её лице проступил ужас, после чего начала пятиться назад, пока не наткнулась спиной на стену. Больше ничего не говорила, только ждала, что скажу я.

А что мне было сказать? Ты меня чуть не убила, но без тебя я подохну ещё быстрее?

– Собирайся, мы уезжаем.

Она сжала руками край своего свитера, на котором были видны следы моей крови (выходит, даже не переделалась?) и опустила голову. Мне показалось, что в её внешности что-то неуловимо изменилось, но рассматривать себе запретил. Потому что стоило увидеть её снова, как понял, что кажется скучал... Дурак. Какой же я дурак.

– Куда? – спросила тихо.

– Домой.

– К Вам?

Что-то мне это напомнило.

– Ко мне, Элисса.

Поблуднев, она кивнула и сделала несмелый шаг вперёд. Выглядела расстроенной, но вряд ли из-за того, что помнила, как я ответил прошлый раз. Тогда я по тупости считал, что между нами что-то может измениться, что мы вместе, что мой дом – правда наш. Теперь знал, что нет. Зачем тешить себя глупыми ожиданиями. Скорее снова решила, что после всего буду над ней издеваться и мстить. Другого варианта же вообще не рассматривает.

Открыл перед ней дверь и вышел первым, придерживая. Она, так ничего и не взяв из палаты (неужели ей вообще сюда ничего не привезли?), ступила следом, держась на расстоянии, стараясь даже случайно не коснуться. Дрожала как осиновый лист.

– Успокойся. Я не стану наказывать.

Она вскинула на меня свои большие, заплаканные глаза.

– Если Вы хотите...

– Я не хочу.

Что бы не предложила в этот раз, не хочу. Хватит. У меня сейчас совсем другие заботы и планы. Не до неё.

Глава 3

В машине мы молчали. Элисса опять босая, как увезли несколько недель назад, забила в угол заднего сиденья, я сел за руль, отпустив водителя. Зачем, если мне было сложно вести автомобиль? Наверное, по привычке, чтобы не пугать её. Это всё въелось мне в подкорку. На автомате просчитывал, что она скажет, чего испугается, что может подумать.

А в остальном будто и не было проведённого вместе времени, потому что с её стороны вообще ничего не изменилось. Кроме того, что теперь я знаю, как она может поступить со мной в благодарность за всё, что я пытался для неё сделать. И нет, мне не нужна была эта благодарность, но... хотя бы рассчитывать на то, что пара не станет меня убивать неужели нельзя? Выходит, нет.

Когда открыл ей дверцу машины уже во дворе, она замялась, выходя на улицу и тихо спросила:

– А куда мне идти?

О, разумеется, специально для тебя я подготовил клетку в самом тёмном и сыром углу своего гаража. И крыс туда напустил заранее. Блядь. А ведь когда очнулся, поразмышлял, решил, что в последнее время стал слишком эмоциональным и нужно меньше реагировать на всё, меньше ругаться. Но стоило только увидеть её и вот опять.

– К себе в комнату. Есть ещё варианты?

Она втянула голову в плечи (может оттого, что с ней раньше говорил иначе? Но я так больше не хотел) и развернулась к крыльцу. Глядя на то, как робко она в одиночестве шагает к моему дому, ощущал внутри разочарование и даже обиду. Вроде и понятно, что она не обязана была оправдывать моих ожиданий, но поступить со мной так, как поступила... Это было слишком. Даже для моего терпения.

Что бы я не делал для неё, как бы не относился, она продолжает считать меня не просто чужим, а врагом. Настолько, что вместо того, чтобы запереть дверь, спрятаться, когда убежала, наставила на меня оружие. Я не считал Элиссу хладнокровной убийцей, всё же не слепой и видел, что тогда она явно была не в себе, как модно говорить – в состоянии аффекта, но сам факт.

Она. В меня. Стреляла. И была готова. Убить.

Как иногда обманчива бывает внешность.

Такая крошка, которая вроде бы пережила ужасное, но поступает просто как... Слов не могу найти. Даже начали появляться сомнения, действительно ли те документы из лаборатории, которые посчитал подделкой (о том, что она провела там всего ничего и пришла уже в положении) были ложью? Да, её страх настоящий, но откуда я знаю, почему она боится? Может по жизни такая. Или умело пользуется своим безобидным внешним видом. Как в ситуации с Эррин.

Перед тем, как забрать её из палаты, я поговорил с врачом, который теперь один курировал всех подопытных, после исчезновения оборотницы (как раз благодаря моей «беззащитной» паре). Старый ирбис уже повидал многое. И невесть как открестился в своё время от лаборатории, оставшись работать в нашей клинике только. Зато после смерти моего ублюдка-отца с радостью согласился присоединиться к команде и помочь восстановиться прежним подопытным. Именно его я хотел позвать для Элиссы, когда только привёз её, но тогда сделал выбор в пользу врача-женщины. Сейчас же он вводил меня в курс дел.

Уточнив первым делом, как я сам, доктор как-то задумчиво посмотрел на меня, на бумаги в руках, а потом выдал:

– Она ничего не ела и ни с кем не говорила, пока ей не сказали, что Вы живы. Тогда начала пытаться, но... С Вашей супругой явно что-то не так. Возможно дело в Вашей крови,

которую ей переливали, иначе бы у меня возникли подозрения, что ей кололи то же, что и тем, кто сейчас у нас в подвалах. Полуоборотням. Она явно не в себе. Помимо страха периодически появляется агрессия. Большинство пленников, кому смогла помочь Эррин, уже давно вернулись к своим семьям, им сложно, но они живут и выглядят, и чувствуют себя гораздо лучше, чем эта девочка, хотя в ней почти нет остатков препаратов. Это странно, ведь я уверен, что Вы обеспечили ей комфортные условия...

Он так смотрел, будто ждал от меня подтверждения. Ещё я только не отчитывался, насколько комфортно *моей* жене *со мной* живётся. И, кажется, он понял неуместность своего предположения.

– Думаю, ей нужна терапия. Очень серьёзная. Если дело не в том, что она не чувствует себя в безопасности, не ощущает заботы и понимания, то значит проблема где-то глубже. Мы не стали проводить полное обследование, потому что она впадёт в истерику, стоит кому-то к ней приблизиться, и я решил, что отложим это до Вашего возвращения. Но если ничего не делать, долго она у Вас не проживёт, Эрnard.

Я усмехнулся.

– Вы просто её плохо знаете.

Мне теперь всё чаще казалось, что вызывать жалость и давить на сочувствие – её главные козыри. А потом она воткнёт нож в спину. Но врач покачал головой.

– Могу предположить, что Вы не правы.

– Предполагайте, но со своей парой я разберусь сам.

Она, не задумываясь, выстрелила мне в грудь, прожив больше полутора лет в моем доме. Имитировать голодовку – меньшее, на что она способна. Да и вообще Элисса мало ест в принципе. Поэтому я не слишком переживал за неё сейчас, будучи уверенным, что своего она не упустит.

Продолжал убеждать себя, что это снова лишь какой-то план, который пока не разгадан. Прикинуться милой, чтобы получить оружие. Подставить Эррин. Заставить меня забыть о её поступке поцелуями. Ах да, едва не перерезать горло спящему. Это ещё неполный список того, что вытворила моя «маленькая» Элисса.

Если она способна на это, то вполне способна и на другое. Что я о ней знаю? Да ничего. А как показала практика, эта девочка полна сюрпризов. Неприятных сюрпризов.

Даже не спросила ничего обо мне. Только вот: куда едем (а вдруг в лабораторию?), куда идти (а вдруг в пыточную?). И всё. Мне по-прежнему было её жаль, конечно. Но успокаивать сил не было. Каждый раз я вспоминал выстрел, боль, её лицо надо мной. А потом то, как она сидела рядом, даже не позвав на помощь.

Безусловно, мстить ей и намеренно причинять вред я не собираюсь. Но и чувствовать себя беспросветным идиотом больше не хочу. Мне есть чем заняться.

Например, сегодня весь день я провёл в разгребании дел прайда. Дал задание отыскать Эррин, которая просто как сквозь землю провалилась. Никто не знал о ней ровным счётом ничего. А наш центр теперь попросту некому возглавлять.

Зато мне сообщили, что Эрдан находится в полутрансформации и живёт с какой-то девушкой в нашей землянке. Мысль вмешаться пришла в голову, но благополучно вылетела оттуда. Если ему становится лучше – это уже неоспоримый плюс. А что касается девушки – чужую он бы не подпустил, а если пара, то ничего ей не сделает ужасного и позаботится.

Отдал приказ наблюдать изредка и всё. Забирать его всё равно бесполезно, не сажать же собственного племянника с его новообретённой избранницей в палату с решётками. Пусть пока поживут на свежем воздухе, потом разберёмся.

Вообще я почти вернулся к своей прежней жизни до ЭлиССы. Не считая того, что ощущал её незримое присутствие через полдома и постоянно тянулся к записям камер. Но пока мне

удавалось не поддаваться соблазну. Она в безопасности, у неё есть всё необходимое. Вот и пусть делает, что хочет. Это меня больше не касается.

Глава 4

Я решил, что теперь стану жить своей жизнью, а не заикливаться на ней одной. Элисса – не беспомощный ребёнок, она очень даже продуманная, а иногда и хитрая девочка, и я был уверен, что прекрасно справится без моей гиперопеки. Носиться с ней как курица с яйцом больше не собираюсь. Она нужна мне, это неоспоримый факт. А я ей... Судя по всему, не так уж. Как и мои старания.

Каждый устанет биться в закрытую дверь. А Элисса была для меня именно такой. Закрытой дверью с кодовым замком, шифра которого я не знаю и пытаюсь подобрать вслепую наугад. Не получилось. Сдался ли я? А пусть будет да. Неважно. Уже вообще ничего неважно. Если Эрдан вернётся – хорошо, если нет – я удержусь так долго, как смогу, а потом будь что будет. И с ней тоже. Невозможно спасти того, кто не хочет спастись.

Вот и настало время расставить приоритеты.

Когда я пришёл в себя после ранения, выяснилось, что препараты Эррин, канувшей в Лету, окончательно выветрились из моего организма, и буквально на стену лез от того, как сильно меня тянуло на ...хм... постельные подвиги. Даже понимая, что всё это лишь наша звериная природа, требующая пару немедленно для ускорения регенерации, не мог не поддаваться.

А зная, что она сейчас всего через несколько стен от меня, унять желание ещё сложнее. Принуждать же её к близости, даже после всего, было бы откровенно низко и мерзко. Но в этот раз решил не падать ещё ниже и не дронуть в душе, как малолетка.

Просто позвонил одной из своих прежних любовниц и попросил приехать. Плевать. Раньше же, ещё до ЭлиССы, мы встречались регулярно. И ничего. И позже я порой проводил с ней время. Элика была умной и взрослой женщиной. Одной из наших. Знала, чего хочет. Знала, чего хочу я. И шла на всё вполне осознанно.

Поэтому сегодня ночью, дорвавшись до женской ласки, я получил своё сполна. Уставшая женщина лежала рядом, уснув сразу же, и даже не прикрывшись. А вот совсем недавно стонала и кричала на весь дом. Тоже истосковалась по мне. Во всяком случае так сказала. И даже убеждала, что никого без меня у неё не было. Ну-ну.

Хотя вообще-то мне всё равно. Я не заставлял никого хранить себе верность, она это знала. Для меня в принципе это понятие долгое время вообще ничего не значило. А теперь и давно.

Спать с ней в одной постели было не так приятно, как с ЭлиССой, но гораздо приятнее, чем одному. Тёплое, гибкое тело оборотницы с выдающимися формами под боком вовсе не вызывало чувство вины перед той, которая сама по идее должна была лежать сейчас тут со мной. Но если ЭлиССе так омерзительна мысль близости со мной (да-да-да, по понятным причинам, но результата это не отменяло), то что же мне теперь на сухом пайке оставаться всю жизнь? К тому же, вряд ли это вообще её как-то трогает.

Рано утром в не таком паршивом как вчера настроении я отправился на кухню перекусить, где встретил растерянную пару за готовкой. И почему раньше мне не пришла в голову мысль не ждать от неё изменений, а просто удовлетворять свои потребности, не обвиняя потом в неоправданных ожиданиях зашуганную девочку?

– Элисса, – позвал.

Она быстро обернулась, побледнела и тут же опустила взгляд в пол. И всё равно успел разглядеть там ожидание. Что ещё она от меня ждёт? Наверное, снова что-то плохое. Прямо с утра после бурной ночи немедленно примусь теперь её избивать и насиловать вместо зарядки и умывания. А не заметить моё ночное приключение было бы сложно, поэтому был уверен, что она заметила.

Но кроме страха, как всегда, в ней это больше ничего не вызвало. И славно, это было привычно. Ведь знать, что этот мой поступок обидел её, было бы неприятно, а так пара сама развязала мне руки. И всё остальное.

– Хочешь поговорить о чём-то? – мало ли, может есть что-то важное, что её тревожит. Мы столько времени не виделись.

Но она покачала головой, обхватив себя руками. Что ж. Не заставляй же её.

– Тебе не обязательно готовить каждое утро. Мне это не нужно. И в гостиную не приходи вечерами. Я сам буду звать тебя туда изредка. Сейчас у меня нет много свободного времени. Поэтому займись пока чем-то полезным для себя, порисуй там, погуляй, не знаю, найди себе нормальное занятие. Не нужно торчать на кухне как повариха. Если что-то понадобится, обращайся прямо, без этих своих штук. Поняла?

На самом деле, я ещё боялся не удержаться от своих желаний, оставаясь с ней тут один на один. Потому что даже после того, как и с кем провёл ночь, только увидел её – и всё, снова полная боевая готовность. Но если это я мог хоть как-то контролировать, то вот не хватать её прямо сейчас, обнимая и прижимая к себе, было прямо очень сложно. Как бы я не скучал по сексу, просто по ней я скучал гораздо больше.

Девочка кивнула и спешно засобиралась сбежать, даже оставила посуду, как есть, и направилась к выходу, но не ушла, остановившись нерешительно, явно собираясь что-то спрашивать.

– Что? – как всегда не выдержал.

– Я просто... А где... Эмин?

Да, точно. Пока я валялся в больнице, а её заперли в палате, собаку увезли в питомник. Никто из наших за ней не мог ухаживать, да и он их не выносил, выживу ли я, не знали. Ну а потом мне было вообще не до него. Даже забыл, что в моём доме был ещё один питомец.

– Понятия не имею, – ответил честно.

Она вздрогнула и всхлипнула. Вот как. Собаку ей жаль. А в меня выстрелила, не моргнув глазом. Изнутри опять заскреблась ревность.

– Изви...ни...те... – промямлила и скрылась. Останавливать не стал. А смысл?

Позавтракав и спровадив свою ночную гостью, уехал в офис, дав задание горничной проследить, чтобы Элисса нормально питалась, а охране – притащить псину оттуда, куда дели. Что-то совсем упустил из виду этот момент. Всё же это единственный её друг, раз меня врагом считает. Пса этого, как выяснилось, из питомника отдали уже кому-то, и теперь ребятам пришлось шастать по всему городу в поисках его новых хозяев. Если не найдут, ума не приложу, что тогда делать.

А ведь вроде как ей нравилось говорить со мной... Нравился мой запах... Она сама хотела оставаться в моём доме... Почему же за один миг решила всё перечеркнуть?

Внутри ещё горела обида, что она скучает по собаке, пока я скучаю по ней...

Но нет. Второй раз оставлять Элиссу одну точно не стану, мне хватило прежнего эксперимента. Это же можно с пыткой сравнить – полная изоляция. Чем я только думал тогда, debil. Теперь же просто дал себе слово отвыкать от неё вопреки всему, даже постоянно сталкиваясь, даже продолжая общаться. И хотя пока у меня выходило совсем хреново, надежды не терял. Мне казалось, что однажды она поймёт наконец, что бояться нечего, и сможет жить полноценной жизнью, хоть и без моего деятельного участия. Отпустить её, конечно, никуда не отпущу, но в остальном – свобода действий. Ещё бы она только хотела действовать... хоть как-то уже...

Поздно вечером мельком (чтобы не зависать на её изображении) просмотрел записи, выяснив, что большую часть дня девочка сидит, уткнувшись взглядом в одну точку и даже не шевелится. Вчера ночью спустилась на кухню попить, но услышала наши игрища, судя по тому, как замерла и повернулась в сторону моей комнаты, и сразу же убежала к себе, заперевшись изнутри и проревев всю ночь.

Разумеется, не от того, что со мной была другая (по идее и раньше были другие, просто домой я их обычно не таскал, но раз у нас всё равно ничего не выйдет, то не бегать же мне вечно по гостиничным номерам). Хотя может где-то в глубине души мне и хотелось показать ей, что вот кто-то из кожи вон готов лезть ради моего внимания, не то что она...

Но подумать, что Элисса стала бы ревновать, даже не мог. С чего бы? Скорее, испугалась, что теперь захочу и с ней так развлекаться. Надо бы ей объяснить всё же, что ничего такого у нас не будет.

Глядя, как горько она плачет, совсем одна, я как-то поумерил свои идеи о необходимости полного безразличия и верности своих поступков. Она же живая. И ей больно. Даже если пыталась меня убить, то теперь она тут снова как в тюрьме.

Да, я больше не считаю её женой, а себя обязанным ей чем-то кроме самого необходимого, но это не значит, что нужно теперь над ней издеваться. К тому же только слепой бы не заметил, как сильно она похудела за это время. Нужно с этим как-то разобраться.

Перемотал немного запись, заметив, как она ложится в постель, глядя в потолок, а потом закрывает глаза, крепко зажмурившись. Переключился на «онлайн» и сразу же вскочил по привычке, намереваясь бежать успокаивать, глядя на то, как она кричит и плачет во сне, но снова перед глазами всплыла картина: я в луже крови и безразличная она рядом.

В конце концов, как-то же она прожила эти две недели, пока я боролся за жизнь? Значит, и дальше справится. Вернулся в свою кровать, ещё хранившую запах чужой женщины, и попытался уснуть. Не смог. Встал и содрал постельное бельё, будто оно виновато в моей бессоннице. Зверь внутри фыркнул. Ему вчера вот вообще не понравилось. Если я хотел его усмирить, то явно просчитался. Потому что его по-прежнему тянуло к паре...

Снова открыл камеры.

Элисса уже проснулась от собственных криков и сейчас просто сидела на постели. Мне даже пришло в голову, что она знает, что я за ней наблюдаю, поэтому так странно себя ведёт. Слишком странно. И выглядит в полутьме как-то совсем зловеще. Маленькая, бледная, безэмоциональная... Ну зато истерика закончилась.

До самого утра мы так и просидели в нескольких метрах друг от друга, разделённые лишь стенами: она, глядя в одну точку на стене, я – на неё. Кажется, настало время принимать уже какие-то более серьёзные решения...

Глава 5

Но в итоге весь день снова провёл в разъездах и поисках информации об Эррин, потому что с каждым днём ситуация в центре ухудшалась, исследования были приостановлены. Я злился на Элиссу, что фактически вынудила меня прогнать единственного стоящего специалиста (ведь все остальные были просто врачами, не имеющими прежде дело с подопытными), но не снимал с своей ответственности. В конце концов следовало всё проверить самому, а не кидаться исполнять пожелания своей, мягко говоря, не слишком откровенной пары.

Убедив себя больше не сталкерить за ней, включил камеры только поздно вечером, когда вернулся домой. Но картинка словно застыла, потому что весь день девочка провела в одном положении, свернувшись клубочком на своей постели.

Глядя на её худенькие плечи, на лицо с тонкими чертами, грустные глубокие глаза я продолжал себе твердить, что нельзя поддаваться своим внутренним желаниям и порывам. Ну и что, что у меня зудят пальцы от желания гладить её, а внутри как цепь натянулась, требуя идти к ней немедленно. Нельзя. Я уже пробовал. Не получилось. Точнее, стало ещё хуже. Но и просто наблюдать, ничего не делая, тоже было сложно.

Вчера вечером я решил поговорить с Элиссой серьёзно, потребовать от неё объяснить, что именно во мне её так пугает и заставить поверить, что бояться нечего. А если ничего не выйдет, то рассматривал вариант на время и правда отправить её в нашу клинику, притащив туда человеческого психиатра. Потому что то, как она себя ведёт, пугало меня с каждым днём всё больше.

И вот какого хрена ей так и не достали Эмина? Сегодня охрана уже огребла за это, и клятвенно обещали завтра притаранить пса живого или не очень. Быстрее бы он уже снова тут объявился, чтобы мне не думать о том, что ей может быть одиноко. Может это снова сработает? Сработало же в прошлый раз.

На самом деле я бы хотел вообще не думать про Элиссу, но не мог.

Вызвал горничную для верности и убедился, что девочка не выходила из комнаты после нашей встречи вовсе. А еду, которую ей приносили, так и оставила нетронутой. И как бы оборотница не спрашивала её, что та хочет, Элисса молчит, просто игнорирует её.

Решив отложить разговор по душам на более удачный момент, а пока сконцентрироваться на главном, утром я сам взял тарелку супа, ложку и пошёл к ней в комнату. Уже понимал, что ещё немного, и одним жильцом в моём доме станет меньше.

Девочка растерялась, но при моём появлении встала с кровати.

– Иди сюда.

Подошла к столу, на который я водрузил нехитрый завтрак.

– Садись.

Послушно села, продолжая отводить глаза и дрожать так, словно перед ней не тарелка с едой, а живой и голодный бенгальский тигр. Чего можно так сильно бояться?

– Ешь.

А нет, измученного, грустного взгляда я всё же удостоился.

– Бери ложку и ешь, Элисса. У меня нет много времени долго возиться с тобой.

И хотя это было правдой, даже самому стало как-то не по себе от того, как говорю и веду себя. Но зато явно подействовало. Потому что девочка опустила голову и зачерпнула горячую жидкость, отправляя в рот и нехотя глотая. Я хмыкнул. Может она просто по-другому и не понимает?

– Вот видишь, как всё легко решается. Или ты хочешь, чтобы я так приходил к тебе каждый раз сам? Может ещё с ложечки тебя кормить, Элисса?

Мотнула отрицательно головой. Хотя я на самом деле рассматривал такой вариант, что она делает это всё специально, чтобы обратить на себя моё внимание. Только не мог понять, зачем. Ещё недавно она готова была терпеть от меня грубость, лишь бы говорил с ней и не оставлял одну больше. Я воспринял это как подтверждение её ко мне симпатии, а сейчас вот думал, что может ей просто нравилось, что я постоянно перед ней прыгал на задних лапках? Скрипнул зубами.

– Ещё ешь.

После третьей ложки, когда решил было уже отправиться по делам, раз всё нормально, а не так, как пытался меня убедить врач в центре, она вдруг закрыла рот ладошкой и бросилась в уборную. Что за...

Войдя за ней, понял, что её стошнило только что съеденным. И даже сам растерялся. Такое имитировать сложно, а значит всё это время она действительно не притворялась и не капризничала, как я подумал.

– И давно у тебя это?

Покачала головой.

– Как долго?

– Несколько... недель...

Значит с тех пор, как едва меня не убила. Неужели правда так сильно переживала? Но если и так, то явно не за меня. Что-то даже не подумал, что для неё в принципе может быть тяжело стрелять в человека. За своей обидой я совсем забыл, кто передо мной. Сам-то после той бойни в лаборатории отходил не один день, а тут...

– Немедленно едем в клинику, тебя проверят. Собирайся.

Она явно хотела что-то сказать, но только сжалась и кивнула. В центр я отвёз её сам. Всю дорогу пара тряслась на заднем сиденье, ничего не говорила, не спрашивала. Вела себя тихо, хоть и утирала слёзы украдкой.

Когда приблизился врач, Элисса посмотрела на меня жалобно и качнулась тоже ко мне, но видимо вспомнила, что не там ищет защиты, и не попыталась отойти или сбежать. Зато взгляд изменился с грустного и испуганного на решительно-колючий.

– Дайте руку, пожалуйста, – попросил доктор, и она побледнела сильнее, но не шевельнулась.

Лишь когда я сам повторил просьбу, медленно обнажила вену, закатав рукав, и подставила под иглу, вновь затравленно глянув на меня.

– Не переживайте, это для Вашего же блага, всего лишь анализы.

На её лице отразилось удивление, будто произошло что-то из ряда вон. Если честно, я понял сразу, что она решила, что везу её в лабораторию. И тут тоже посчитала, что буду сам контролировать очередной эксперимент. Но всё равно ничего не сказал ей. Она мне не верит, тогда толку-то? Пусть убеждается лично. Но всё равно этот страх и боль в её глазах, а потом жуткое смирение моим командам и злость добрались до самых глубин моей души.

– У Вас что-то болит? – начал врач опрос, но она теперь вовсе на него не реагировала.

Тогда пришлось опять подключаться самому.

– Отвечай на вопросы, Элисса. Что у тебя болит?

Вздвигнув, она покачала головой отрицательно. Создавалось ощущение, что кроме меня вообще ничего не слышит и не воспринимает. И с учётом принятых мною решений, это мне больше не нравилось. Я хочу, чтобы она уже начала общаться хоть с кем-то ещё. Чтобы у неё появилась отдельная от моей жизнь. Чтобы я не ощущал себя привязанным к той, кто ненавидит меня настолько, что готова убить. От связи нам не избавиться, но я не хочу носиться с ней каждый день!

Ведь стало бы гораздо проще, если бы она занималась тем, чем занимаются обычно другие молодые девушки – гуляла с подружками, ходила по магазинам, салонам, что там ещё бывает?

Могла бы рисовать, проводить время со своей собакой. А я, зная, что у неё всё отлично, перестал бы дёргаться вечно!

– Мы все видим, что с тобой не всё в порядке. Скажи, что тебя тревожит.

Голос отдавал металлом. Хотелось скорее со всем разобраться и закончить эту неприятную для всех встречу. Но она опять покачала головой и ни слова не сказала. Словно специально!

Как лечить человека, который всеми силами отказывается от помощи?! Какой толк во врачах, если она делает вид, что кроме нас двоих тут вообще никого нет?!

– Ты так и будешь молчать? – рявкнул я от бессилия, за что словил её презрительный взгляд.

Она? На меня? Вот так. Смотрит?!

Резко встал.

– Результаты сообщите мне по телефону. Идём.

Пара безропотно пошла за мной.

– Что с тобой не так, Элисса? Даже после того, что ты сделала, я пытаюсь тебе помогать, но ты и в этом умудряешься вставлять мне палки в колёса. Что ты за человек такой?

Она открыла рот, изогнув губы так, словно собиралась сказать что-то едкое, но передумала и молча села в автомобиль. Наверное, подумала, что иначе разозлюсь и оставлю её тут. И опять эта давящая тишина. Ладно. Как хочет! Пусть молчит!

– Иди к себе, – отдал приказ по приезду.

Она подчинилась. И снова пролежала до вечера в одном положении, подтянув колени к груди и глядя в стену. Даже не рисовала ни разу, хотя до этого не оттащить было. Вот что на этот раз?! Она же дома, убедилась, что я возил её на обследование, а не для наказания. Так что это за сцена?! Будто специально заставляет меня чувствовать себя уродом и тюремщиком!

Врач, которого я перед приёмом заставил снять белый халат, как и всех остальных в клинике на сегодняшний день (снова делал это на автомате, создавая ей более комфортные условия), перезвонил мне позже и рассказал, что её невозможность усваивать пищу – это скорее результат нервного истощения, чем какой-то физической болезни. Он проконсультировался с человеческими врачами и прописал целый список разных препаратов. Позже я занёс ей все прописанные лекарства с инструкцией по применению и несколько раз повторил, что запрещаю пропускать. Безразлично она при мне приняла всё необходимое и снова молча села на постель.

– Если не станешь принимать всё сама, придётся снова везти тебя в клинику. Думаю, ты этого тоже не хочешь, поэтому будь послушной, как обещала когда-то.

За все свои усилия я удостоился целого... кивка... Разобрался. Блядь.

Глава 6

Следующим днём один из моих ребят наконец-то притащил коробку с Эмином. Собакой-Эмином, разумеется. Брать его на руки без неё ни один из барсов не мог – мало того, что мы на генетическом уровне не выносим собак, так ещё и шерстяной комок будто бы ненавидел нас всех по умолчанию. Просто весь в хозяйку.

И я поспешил с этим ценным грузом к ней в комнату. Мне хотелось уже убедиться, что сейчас с ней всё станет как раньше, до этого выстрела. Она будет общаться с собакой, рисовать, говорить со мной иногда, я – заниматься делами и просто нормально жить, лишь изредка проводя с ней время. И тогда у меня перестанет ныть внутри предчувствие чего-то нехорошего.

Когда я вошёл, Элисса смотрела с непониманием и испугом, лишь встала, снова вытянувшись по струнке, но молчала. Тогда выпустил пса на пол, и он с радостным визгом кинулся к ней.

Девочка упала на колени, начала обнимать его, гладить, вроде бы даже чуть не расплакалась. Надо же. Мне так не радовалась.

Видимо, осознав, что они тут не одни, она прекратила поток нежностей, подняла на меня глаза и тихо поблагодарила. Просто «спасибо». Ладно. Я пожал плечами и собирался уйти, не ответив, как вдруг:

– Вы больше не злитесь?

– Как связана твоя собака с тем, что я злюсь?

Промолчала. Может, думала, что я увёз пса намеренно, чтобы наказывать её? Да, наверное. Я же в её глазах чудовище просто.

– Нет. Я не злюсь.

– И значит... не станете больше... мучить её...

– Кого?

– Ну... ночью...

Я чуть не покраснел впервые в жизни. Так она решила, что я издеваюсь над бедняжкой, которая стонет на весь дом? Такой вариант мне даже в голову не пришёл. Неужели поэтому она в последние дни находится в предобморочном состоянии каждый раз, как меня видит, и трясётся как перед приступом или наоборот огрызается? А я-то голову ломал... Дебил.

– Элисса, как бы тебе это... она не от боли кричит. Я не делаю ей неприятно, даже наоборот...

Девочка точно не поверила. Хотя, если вспомнить, что пережила раньше, и то, какие звуки издаёт моя партнерша, если ещё и не видеть, как сама двигается навстречу, в принципе можно посчитать, что я её там пытаю... Но глядя в эти испуганные большие глаза, светящиеся укором и неприязнью, я не мог продолжить объясняться. Просто язык не поворачивался сказать ей, что через две двери от неё трахаюсь с другой. Хотя и так понятно, но вот как сказать... Почему-то возникло ощущение, что я её пачкаю этим всем. Совершенно необоснованное ощущение!

– Слушай... я взрослый мужчина, и не собираюсь отказываться от секса, потому что для тебя это неприемлемо. Ни тебя, ни кого-то другого я не принуждаю, но и воздерживаться вечно не могу.

Она опустила голову.

– Скажешь ещё хоть что-то?

Не скажет.

Зато вид её тонких пальчиков, перебирающих длинную шерсть пса, не давал мне покоя. Видимо, придётся порадовать свою новую временную женщину очередным приглашением. Тем более, Элисса вон даже не так уж и против, если я её там не избиваю.

И снова первое возникшее чувство – не облегчение, что не считает меня подонком, а обида. Мне всё равно бы хотелось, чтобы она приревновала, даже если самому себе в этом не признаюсь.

Но как выяснилось, по поводу пса радовался рано. Теперь единственное, что изменилось – Элисса сидела в обнимку с собакой, но так же почти не выходила и не начала рисовать. По вечерам, когда я был не один, затыкала уши и раскачивалась из стороны в сторону. Спасибо, что не ревела.

Она послушно принимала всё, что ей выписали, пыталась есть, но потом неизменно убегала в уборную. А ещё перестала говорить. Даже с Эмином. На мои вопросы изредка отвечала «да», «нет» и всё. И как бы я не пытался что-то выяснить, просто без толку.

Ещё и зверь внутри требовал снова виться у её ног, жалеть, любить... На самом деле мы хотели этого оба, но я не отменял принятого решения не потакать своим чувствам и её поведению, отдав приказ приготовить всё необходимое в клинике для неё. Я не могу ей помочь, пора признать это. Добровольно самой себе она помогать тоже не хочет, поэтому оставался только один вариант...

Но в очередной раз, наблюдая за ней, заметил, как она сидит на полу, где лежал раненный я, и гладит обновлённый ламинат. Это была совершенно жуткая, пугающая картина, которую всё же не выдержал, и через горничную попросил её спуститься в гостиную.

Девочка остановилась у дивана, на котором я сидел. И молчала. Как всегда.

– Садись.

Села на самый край.

– Чем тебе помочь?

Элисса резко подняла голову, и я встретился с её большими, печальными глазами. В них была просто вселенская грусть. И боль... Сейчас она не злилась.

– Тебе плохо?

Она устало кивнула, а я придвинулся ближе.

– Почему? Что болит?

Крошечная ладонь легла на её грудь. И я как-то на автомате оттянул ворот её свободной домашней майки, заглянув туда, но тут же отпрянул. Не знаю, зачем я так сделал и что рассчитывал увидеть, но точно не то, что увидел. Элисса видимо тоже не ожидала, потому что сразу вскочила, собираясь бежать, но я удержал её за руку.

– Что это?

Молчит.

– ЧТО. ЭТО. БЛЯДЬ. ТАКОЕ.

Вся её грудь была покрыта тонкими свежими шрамами, напоминающими... полосы от когтей? Именно когтей. Звериных... Их было на ней много, только эти новые! Но откуда?! И тут мне в голову пришла очень странная мысль...

Ни один нормальный человек, а тем более оборотень, так бы не поступил, но она же у меня...

– Ты сама себя так царапала? – всё ещё надеясь на то, что она нашла способ нанести себе такие раны. Мне казалось это лучше, чем если бы я не замечал так долго, что кто-то в моём, блядь, доме причиняет ей вред!

Бледная девочка тряслась рядом и молчала.

– Если не ты, то кто? Когда, Элисса? Я не чувствую от тебя чужих запахов, ничего... Кто это сделал?! Как это вообще возможно?!

Словно со стеной разговариваю. Рука на её запястье сжалась ещё сильнее.

– Элисса! Ответь мне!

Но вместо ответа она расплакалась, то и дело жалобно всхлипывая, чем снесла все мои предохранители, здравый смысл и всё остальное ко всем чертям. Я хотел обнять её! Так сильно

ничего не хотел! Но это значило бы, что я сдался, что снова иду у неё на поводу! Ведь она могла бы сделать это сама, а потом обвинить кого-то... Как, например, Эррин. И это заставляло тормозить в выводах. Но от того, как сильно сдерживался, разозлился ещё больше.

– Что за новая сцена? Что на этот раз? Для чего? Что ты хочешь, чтобы я сделал?!

Молчит.

Дёрнул её на себя, заставляя снова сесть, но когда отпустил руку, она машинально схватилась другой за кисть, которую я только что сжимал. До этого успел заметить красный след от своей хватки. Эта девчонка меня с ума сводит!

Резко встал и пнул журнальный стол.

– То есть это ты теперь ещё и не будешь со мной говорить, да? Это ты на меня обижена, не наоборот?!

Ноль реакции. И почему не проходит ощущение, что это я её чуть не убил, а не она меня? Орать хотелось, чтобы прекратила это, и сдерживаться сил становилось всё меньше. И она заметила мой настрой, подняв вверх голову. Её нежное, кукольное личико исказила гримаса презрения.

– Что, уже больше не любите?

Слова прозвучали едко, словно выплюнула их, напоминая мне о том, что шептал ей тут же в порыве чувств перед тем, как она едва не лишила меня жизни. ОНА. МЕНЯ. Не я её! Ещё смеет огрызаться! И поступать так подло, указывая на мою слабость! Именно это она решила мне сказать после долгого молчания вместо ответов на вопросы о её здоровье.

Звериная агрессия всколыхнулась. Меня самого трясло. Ирбис внутри хотел наказать её так, как наказал бы свою самку, убеждённый, что ей бы даже понравилось. Я еле сдерживался и несильно, как мне показалось, сжав её подбородок пальцами, процедил:

– Слова выбирай, пигалица.

– А Вы кто тогда?

Даже дар речи потерял. ЗА ЧТО? С ненавистью она смотрела мне в глаза. Будто бы вызов бросала... Вот как? Мой «крошечный, невинный ангелочек», которого я собирался спасти, устал бояться и решил пободаться со мной же? После всего, что она сделала?! Но и этого ей было мало...

– *Теперь* бить будете?

И её губы опять искривились в пренебрежительной усмешке, словно специально меня провоцировала, чтобы показать, какое же я ничтожество, ублюдок. Даже подумать не успел, что нельзя поддаваться, а моя рука уже дёрнулась и поднялась как для пощечины. Элисса отпрянула так быстро, словно этого только и ожидала. Я же в последний момент успел остановиться и зло выдохнул:

– Ты довела меня!

Чуть не ударил её! Она же не выглядела ещё более испуганной или растерянной, будто правда другого от меня не ждала, а именно это было в порядке вещей. От этого стало совсем мерзко на душе.

– Сделай так, чтобы я тебя больше не видел. Поняла?

Девочка встала с дивана молча, но я снова удержал её. Сам не понял, зачем. Звериная интуиция внутри орала, что что-то (помимо очевидного) не так. Что мне нужно остановиться и подумать. Казалось, я могу ухватить эту мысль за хвост, но стоит паре поднять глаза, как она снова ускользает из-за внутреннего урагана. Чтобы как-то оправдать то, что остановил её повторил тупо:

– Ты меня поняла?

Элисса кивнула, только тогда отпустил. Мне не нравилось чувствовать себя идиотом, но сейчас я чувствовал себя именно так, а не иначе. Я упускаю что-то очень важное, что-то, что

лежит на поверхности, но не могу разгадать из-за агрессии к той, которая по природе должна меня умирять и успокаивать.

Разбил столик ко всем чертям, на щепки разнёс комод в коридоре, и только после этого немного остыл и устыдился того, как общался с ней. Да, она меня вывела, но из нас двоих я взрослый мужик, а она истеричная девочка. Не наоборот. Однако именно я обозвал её и едва не ударил. Хватал ещё... Эту маленькую, тоненькую ручку...

Поразмыслив, решил, что именно я, как сильная сторона, должен сделать первый шаг к хотя бы видимости примирения. Без этого схожу с ума. Не могу не то, что разгадать, а даже сформулировать толком возникшую загадку.

Поэтому, не придумав ничего лучше, сам (впервые в жизни! Потому что содрванное вместе с подушками и одеялом бельё недавно не считается) аккуратно снял наволочку с подушки и попросил горничную отнести Элиссе. Мне показалось, что сейчас, когда она снова боится меня, ей нужно будет хоть что-то, что сможет успокоить. В прошлый раз это помогало...

Но девочка лишь робко погладила самыми кончиками пальцев ткань, потом один раз прислонилась к ней лицом, чем заставила моё сердце сильно стукнуть под рёбрами, а затем упрямо сложила возле подноса с едой, к которой тоже не притронулась. Хотя продолжила смотреть на тёмный прямоугольник, но больше не касалась. Вот как. И запах мой ей больше не нужен. Это отозвалось тупой болью внутри, хоть и твердил себе, что должно быть всё равно.

А ещё заметил, как она натягивает один рукав и иногда машинально поглаживает своё запястье. Которое я сжимал. Но пальчики вроде шевелились, значит сломать был не должен... и всё же... не выдержал. Пошёл к ней сам. Снова.

Она смотрела только в пол, будто меня тут вовсе нет.

– Дай руку.

Протянула именно ту, сразу поняв, что именно меня интересует. Припухлость, краснота. Губы зудели, как хотел поцеловать повреждённое место. Но я же решил иначе...

– Пошевели пальцами. Очень больно?

Не успел провалиться снова в жалость и сочувствие к ней буквально на секунду, потому что вот только она была растерянной и грустной, а уже сейчас:

– Потерплю, – и снова эта жуткая усмешка, так не подходящая её внешности. – Если хотите, можете снова так сделать. Вам ведь нравится лечить то, что сами сделали.

Ах ты... Я еле сдержался. Снова показывает мне свои острые зубы! И злые слова попали прямо в цель, заставив закипеть немедленно. Что с ней вообще? Откуда вдруг такая смелость и злость? Или, выяснив, что я не сержусь сильно и не собираюсь измываться над ней, а по ночам не издеваюсь над маленькими, беззащитными девочками, ощутила безнаказанность?

– Ну и сиди тут одна! – грохнул дверью, удаляясь.

Я думал, ей плохо, думал, она переживает, а она... только меня из себя выводит! Хватит. Всё. От ярости забыл и про её больную руку, и про шрамы на груди и животе. Мне просто нужно было отвлечься, чтобы не прибить собственную пару.

Глава 7

Спустившись, сорвал с любимого дивана дурацкий белый плед, который появился там из-за неё. Потом выбросил на пол из шкафа в комнате все свои пижамы и тупые футболки, которые купил тоже, чтобы ей было проще общаться со мной! Всё это вокруг – для неё! А она... Как же я был зол! Хотелось схватить её, перекинуть через колено и отстегать ремнём, а потом запереть в палате центра, чтобы на выходе волшебным образом получить милую и послушную пару, которая будет прижиматься ко мне во сне и... всё остальное тоже...

Вот это её «больше не любите» ударило куда-то в район солнечного сплетения. Я никому никогда не говорил этих слов, а эта крошечная, вредная девчонка просто издевалась над моими чувствами. Вообще мне хотелось сейчас впиться в неё поцелуем, разодрать мешковатую одежду и затащить в кровать, чтобы попробовала меня там пообвинять.

Но, чёрт возьми, это же Элисса!

Чтобы не пойти к ней снова перевоспитывать, вызвал (иначе и не скажешь) Элику. Дождавшись оборотницу, выместил весь негатив в постели, только это не имело ничего общего с фантазиями в голове. В какой-то момент поймал себя на том, что намеренно действую жёстче обычного, заставляя любовницу кричать громче, где-то на уровне подсознания как никогда желая, чтобы это слышала другая. Маленькая, неблагодарная, ненавидящая меня девочка. Хотелось доказать ей, что я могу быть кому-то нужен, что со мной может быть хорошо, даже когда я груб, а уж тем более, когда как с ней...

Вдруг стало так противно. От себя. От женщины подо мной, у которой, судя по всему, желание укрепиться в прайде выше всего остального вместе взятого. Вообще буду удивлён, если она приедет снова после сегодняшнего моего поведения. Но вымотанная и выжатая во всех смыслах женщина, наоборот, почему-то смотрела на меня с горящими глазами. Дура. Какая же дура. Восприняла всё на свой счёт.

А я сам? В кого я превратился? Впервые в жизни поступаю, как последний придурок и чувствую себя виноватым вообще во всём и со всеми. И это она со мной сделала! Элисса. Ведь до неё я таким не был! Всегда продумывал всё наперёд, имел запасные планы на все буквы алфавита, вёл себя нормально, а не как обдолбанный гормонами тупица.

Моя голова трещала. Я был так зол, что с радостью отправил любовницу восвояси, как только закончили, потому что её присутствие ни хрена не помогало, а только злило ещё больше. Меня немного удивляло, с какой стоворчивостью она принимала все мои поступки, ни словом, ни жестом не показывая, что что-то не так.

Было только одно, в чём она мне не повиновалась прежде. Во время секса издавала такие звуки, что в домике охраны все, наверное, со стояками сидят. Даже под угрозой использовать кляп, женщина не сбавляла звук, чем заставляла меня жалеть, что притащил её сюда, ведь нас точно слышит Элисса. И это почему-то невероятно бесило раньше. А сегодня именно этого сам же я и хотел...

Ещё понял одну крайне странную вещь. Мне совершенно не нравится больше касаться аппетитных форм любовницы, не нравятся её пошлые стоны, её раскрепощённость. На самом деле мне не нравилось в ней вообще ничего, что не было похоже на Элиссу. То есть по факту – в принципе всё.

Но как быть, если стоит мне столкнуться с парой даже просто в коридоре, у меня встаёт? Менять женщин я устал. Надоело. А та, на которой готов был остановиться, желанием точно не горит. Зато эта... К тому же помимо желания идти и обнимать свою пару, как раньше, меня снова корёжило от желания обладать Элиссой и прекратить уже хоть как-то этот наш театр абсурда.

Я понимал, что дело в том, что наша связь не скреплена (не знаю ни одного из наших, кто бы столько продержался, не поставив метку), что пара не принимает меня, а сила главы прайда давит изнутри из-за этого всего. Но это не было моим оправданием. Было что-то ещё, что заставляло меня злиться на Элиссу в ответ совсем не меньше, чем она на меня.

И каково же было моё удивление, когда утром на кухне нашёл оладушки. Те самые, пышные, которые она снова оставила под салфеткой. Просил же её не готовить... Но как удержаться, когда они стоят посреди стола такие аппетитные? Может решила так извиниться и помириться после вчерашнего? Не могу же я отказаться от такого знака примирения. Тем более она готовила с больной рукой...

Только стоило положить один в рот, как из глаз брызнули слёзы. Что вообще в моём доме делает горчица?! И соли тут целая тонна! Вот зараза! Она же мне нюх минимум на сутки отбила!

Влетел к ней в комнату, и девочка сразу же вскочила на ноги. Как всегда делала в последнее время.

– Какого хрена ты испортила завтрак?!

– Это было... не Вам.

– КОМУ ЖЕ ТОГДА, блядь?

– Вы сами сказали Вам не готовить, я готовила не Вам, – и ведь явно врёт! Это вообще никто съест бы не смог! Устроила мне подлянку. Но бесило то, что я повёлся и попался. Так спалиться!

– А КОМУ, я тебя спрашиваю?!

И снова упёртое молчание. Дрожит же как трусливый заяц. Но продолжает вот это всё! Доводит меня и доводит! За что?! За то, что взял вчера за руку крепче, чем следовало? Что пришёл почти извиняться? Или может за то, что к себе не подпускает, из-за чего мне приходится трахаться не пойми с кем?!

– ЧТО ТЫ ХОЧЕШЬ?! Объясни уже нормально! Для чего ты так поступаешь?!

Я почти в бессознательном состоянии тряс её за плечи.

– За что, чёрт бы тебя побрал?! Я с кем говорю? Ты постоянно плачешь, но не говоришь причину. Теперь ещё и выводишь меня! ЗАЧЕМ?! Давай же. Ну! ГОВОРИ, Элисса!

– Я Вас... ненавижу...

Зло рыкнул. Словно псих какой-то.

– Это и так понятно! Объясни, за что?!

– Вы говорили, что добрый, но Вы обманули. Вы такой же как они все. Вы злитесь всегда и...

– Что и?

– И трогаете меня. Обещали, что не будете, а сами... И вообще.

– ЧТО ВООБЩЕ, Элисса?! Ты так говоришь, словно это я хамлю тебе, я в тебя стреляю, я готовлю тебе гадкий завтрак!

– Это было не Вам.

– Не ври мне! Одна сплошная ложь и капризы!

– Вы ничего не знаете...

– Так расскажи мне уже! Ну! Чего я такого не знаю о тебе?!

– Вы и не хотите... ничего... знать... Вы хотите, чтобы я... делала то, что... Вы скажете...

И всё.

– Я тебя хоть раз принуждал к чему-то?!

– Принуждали, – она посмотрела прямо в мои взбешённые глаза.

И я увидел в её взгляде отчаянную решимость.

– Ты за это хотела меня убить?

– Я не хотела Вас убивать! – она словно бы удивилась моему предположению. Довольно искренне.

– А на что ты рассчитывала, стреляя в меня? На фейерверк?!

– Я... просто... испугалась...

– ЧЕГО?!

– Вас... Но не хотела... Оно само...

– Само выстрелило? – усмехнулся я, немного выдыхая и успокаиваясь от её нелепого оправдания и наивной попытки откреститься от совершённого поступка.

Она же кивнула так, будто и правда всё произошло без её участия.

– Ну конечно... А завтрак зачем испортила?

Отвернулась, будто бы вообще не имеет к этому отношения. Вот только перестаю орать, как потерпевший, она снова начинает вести себя со мной гадко. И всё же уже вроде бы мог сдерживаться, сжимая кулаки, но разговаривая почти нормально.

– Тоже «само», Элисса? И плачешь ты всё время почему? И царапаешь себя зачем?

Молчит.

– Тогда скажи, за что ненавидишь. Разве я поступал с тобой плохо?

Она кивнула, снова пряча глаза.

– Расскажи. Что я делал плохого. Говори, Элисса. Видишь, я не кричу больше... почти.

Робко подняв на меня оценивающий взгляд, в котором почему-то именно сейчас не было злости, скорее недоверие и решимость (что же так повлияло на неё, что вместо послушной, кроткой девочки, я получил дикую кошку?), она сказала то, что я никак не ожидал от неё услышать.

Глава 8

– Лучше бы Вы не появлялись вовсе, – выпалила на одном дыхании.

– Что?

Сказать, что я охренел, значит промолчать в принципе. Я же вытащил её оттуда, спас, заботился. В смысле «не появлялся бы»? Она же сама просила меня не отдавать обратно.

– Пока Вас не было, всё было понятно. Я знала, что будет дальше. Знала, что сделают со мной, когда у меня снова будет... когда я опять не смогу... – она неосознанно сжала руку на животе.

Снова?! Это было не в первый раз? Сердце сжалось. От этих её слов я словно дар речи потерял. Просто стоял и слушал то, что она говорит. Ловил каждое слово, покрывался холодным потом, но молчал. Потому что не мог и не знал, что сказать ей сейчас. Злость, агрессия, обида – всё отступало от представившейся перед глазами картины. От злых, наполненных болью слов. И наверное, впервые между нами – таких искренних.

– Они сказали, что сделают. И я ждала, что однажды смогу... освободиться.

Не нужно быть семи пядей во лбу, что она имеет ввиду сейчас под «освобождением». Так ей угрожали убить, если снова не выйдет? И она этого там ждала, пока я не явился? И тут же получил подтверждение.

– А Вы пришли и после этого... меня... Это из-за Вас. Всё из-за Вас. Потому что Вы такой же как они. Сказали, что нет, но я же знаю, что такой же. Чувствую в Вас... зверя... и... то, как Вы злитесь, когда... что-то не так... Ещё Вы у них главный. Вы приходили туда и ничего не сделали. А они все... они слушают Вас сейчас... Значит и раньше бы... слушали... и не стали бы... меня... Вы сильный и могли бы... Но Вы ничего не сделали. Потому что Вам было всё равно. И потом тоже. А я просила же потом не спасать, а меня спасали. Но не для меня. Для Вас! Тот Ваш друг, сказал, что Вы умрёте, если я сдамся. Что если я Ваша пара, то когда я умру, и Вы тоже. Я, получается, убью Вас... И я старалась жить, чтобы не быть... убийцей. Даже такого, как Вы. Не хотела быть... как они... Но я не хотела жить тоже! Я хотела, чтобы больше ничего не было. Чтобы... не страшно... и не больно больше... У меня был план. А Вы заставили меня жить и помнить. Всё. Что было. Я не могу забыть. Только никто меня не спросил. Никто.

– Элисса...

От вспыхнувшего по новой чувства вины едва не задохнулся. Права эта девочка, во всём права сейчас. То, что ненавидит, сюрпризом не стало, от этого даже больно не было, а вот горькая правда из её уст о моей вине в том, что с ней происходило всё время, пока я закрывал глаза... И правда, что её не спросил. Думал о том, что она мне нужна, что я без неё не выживу. И только. А потом решил, что она уже всё должна была забыть, раз столько времени прошло. Но она не забыла... Наверное, есть вещи, которые забыть не так просто. Или невозможно вовсе.

– Нет, я скажу. Вы думаете, я не вижу? Этот дом, эта комната, собака, одежда – Вы думаете, что *заботитесь* обо мне, что мне должно быть хорошо тут, но это не так. И я не знаю, зачем Вы это... Для чего? Что от меня нужно? Ничего не бывает просто так. А Вы не говорите причину. Но у меня же ничего нету... Мне нечем отплатить... И это всё мне тоже не нужно. А ещё... – она оглянулась на Эмина и почти выкрикнула: – Я ненавижу собак! Боюсь их. Просто он... он тогда сказал про питомник! Я думала, он отвезёт его в жуткое место, как там, где я была... а он маленький... и я жалела его. А Вы хотели сделать такой... слово... широкий, да... широкий жест, чтобы показать, какой Вы хороший. Но Вы не хороший. Вы бросаете меня тут одну, делаете мне больно. А потом приходите и лечите, чтобы казаться хорошим. Они...они тоже так делали иногда. И Вы как они. Говорите хорошие слова, а если я... не делаю, как Вы хотите, то сразу злитесь. Всегда. А потом вообще сказали, что любите. Но меня никто никогда

не любил. Никто. Ни одной минуточки. Слышите? Никогда. И Вы соврали. Я даже знаю, зачем. Потому что я Ваша пара. Потому что Вам надо было, чтобы я тоже так же сказала. Но я не умею. Не знаю, как это. И не могу к Вам ничего чувствовать только потому, что Вы так хотите и делаете что-то *для меня*. Мне же не нужно это всё! – обвела глазами комнату. – А Вам нужно было меня трогать, и я думала, так надо, что пара, и не сопротивлялась. Вам нравилась моя еда, я готовила. Вы хотели смотреть фильмы, я смотрела, хотя терпеть их не могу. Но я не могу делать вообще всё, что Вы хотите! Хоть и вижу, что Вы ищете во мне. Что Вы ждёте от меня. И злитесь, что я не такая, как Вы хотите... Но я не могу заставить себя чувствовать иначе. Столько раз просила Вас не отказываться от другой, найти себе хорошую пару. Если бы можно было... Если бы было можно, я бы... я бы хотела, чтобы всё закончилось. Если Вам найдут другую пару, то соглашаетесь, пожалуйста. И тогда бы я...

Даже знать не хочу, что она «тогда бы».

– Знаете... Я думала... Что лучше Вы, чем они. Что может мне нужно попробовать... ну... поверить. И я старалась быть послушной и хорошей. Старалась Вас... ну... любить... Но у меня не получается! Потому что Вы ужасный. Страшный, как они. Злитесь часто. Очень. И ещё потому, что я не знаю, как. Пусть кто-то другой Вас любит. Я не умею. А меня...

Кажется, она хотела сказать «верните» или «отпустите», но так и не смогла произнести этих слов.

Я, обтекал от этой её исповеди, чувствовал себя последним идиотом. Сколько раз она и правда мне говорила это, но я же не слышал, не видел, точнее не хотел. Зациклился, что раз встретил пару, то теперь всё, мы вместе. И даже умудрился влюбиться в эту крошечную девочку, дебил. Но видел же, как смотрит на меня, как отстраняется при первой же возможности, как целует в конце концов!

Этот её крик души наконец заставил меня понять. Я вытащил её с того света несколько раз. И каждый раз говорил ей, что нужна мне, что не могу без неё, а она, выходит, платила за ненужную ей заботу, за ненужный комфорт... Она просто не могла ответить взаимностью. Пыталась быть послушной, как тогда, зажимая себе рот ладошкой, чтобы не кричать, но не отталкивала. Ведь правда пыталась. Но неизменно я отчего-то бесился, и она отстранялась снова, как долбаный замкнутый круг.

Зато я так быстро забыл, что попытался изнасиловать её, оставив на теле огромные гематомы, что оставил одну на долгое время, сделав вид, что её для меня не существует, а потом набросился с обвинениями, не разобравшись из-за Эррин. А ведь всё это случилось совсем недавно. Теперь и вовсе всё время ору, хватаю, трясу. Герой... Только я забыл, продолжая твердить ей, что не сделаю больше больно. А она не забыла и не поверила новым обещаниям, которые не исполнил раньше.

К моему запаху же она могла тянуться из-за связи. И спала в моих руках поэтому спокойно. Так это работает между нами. И только. А я, тупица, решил, что за время моего игнора она в меня влюбилась. Ну не идиот? Даже нормальных девушек оттолкнуло бы такое поведение, а её и подавно.

Ведь правда отношения между нами становились лучше только тогда, когда я просто говорил с ней обо всём, не кидался на неё как полоумный, не орал, не тискал лишний раз. Она вообще считает меня страшным... Да, я не урод, обычный мужик из наших. Но для неё, крошки – наверное и правда выгляжу как злой орк из плохой сказки. Тем более если из-за связи чувствует мою злость...

Сделал попытку успокоить, хотя она сейчас тараторила без умолку с какой-то одержимой решительностью, будто хотела успеть договорить, пока её не прервали. Пока *я не прервал*.

– Тише, Элисса, сейчас всё хорошо...

– Да ничего не хорошо, как Вы не понимаете?!

Она вскинула на меня пылающий злостью взгляд.

– Вы только делаете вид, что этого ничего не было, но это было! Было! Я понимаю, что Вам противно, Вы не хотите со мной говорить об этом. Всё спрашивали. А это нет. Да, верно. Мне тоже от себя противно. Я грязная. Вся... Но хоть я Вас и боюсь, мне хотелось... ну... попробовать... как это... когда сама... Я думала... Раз Вы хотите... Я просто подумала, что почему-то... что Вы меня... то есть я Вам могу... На меня же никто никогда не смотрел так, будто нравилась... Только обижали... Но Вы тоже стали, как все.

В её глазах снова назревали огромные капли слёз, но дрожащими губами она продолжала:

– Мне нечего Вам дать взамен, у меня ничего нет, посмотрите. Я грязная, мерзкая, не красивая. И мне стыдно, когда Вы меня трогаете. Неприятно. Вы мне чужой, но постоянно меня трогаете. Всё время. И целуете. Это не больно, но... я же не хочу... Я думала, если Вам нужно, то ладно, раз не больно. Но Вы потом стали... ну... как они... тоже...

Я побледнел сам, а зажившая рана в груди заныла. Она вот так все видит? Что я стал бы её как они... насильно... Хотя если я не спрашивал её желания, то выходит и правда был как они? Я ни разу не спросил хочет ли она, только можно ли мне... А она выходит боялась отказывать.

– Но Вы не подумайте. Я всё равно не хотела Вас... убивать. Столько раз хотела освободиться. Чтобы не было больше ничего. Но тогда бы и Вы тоже... А в тот день я испугалась. Поняла, что не смогу больше... И Вы сами сказали, стрелять, если... Но я не хотела. Оно само... Честно. Я думала, что Вы умерли... Думала, что убила Вас... Но не знала, когда теперь я тоже...

По бледным щекам градом лились горькие слёзы. А я глухо спросил:

– Ты правда думала всё это время, что умрёшь, если умру я?

Кивнула.

– Только не знала, как быстро. Я спрашивала, когда Вас ранили, что со мной будет, как я умру... Думала, будет больно... Случится что-то страшное. Я видела, как умирали некоторые... там... Но Вы тогда не сказали. И я... просто... ждала...

– Ты этого ждала в лесу и потом тут? Поэтому не позвала на помощь и не попыталась убежать?

– Я... думала, что... всё... И до этого думала, что успею тоже, если бы Вы нашли другую.

Поэтому она сидела рядом, не пытаясь ничего сделать. Решила, что я умер уже, а значит, скоро умрёт и она. Поэтому смотрела так безразлично. Просто смирилась. Может даже где-то в глубине души и хотела этого, чтобы «освободиться», только боялась, что станет очень больно. Вспомнилось, что сам вёл себя так же в клинике, когда думал, что она погибнет от кровотечения. И тогда выходит, она меня просила остаться, если найду «хорошую пару», чтобы успеть «освободиться», потому что в лаборатории не отпустили бы и тоже заставили жить.

А ещё до меня дошло, что значит её «оно само», которое она твердит. Нож, с которым она кинулась на Эрлана при первой встрече, потом осколок в руках – она просто не могла разжать пальцы. Из-за спазма от страха. Да, она взяла оружие и направила его на меня. Но сколько раз раньше не могла справиться со своим телом, когда оно подводило её. Каждый раз она защищалась от других, но не сделала одного, что, по её мнению, должно было избавить её от собственных переживаний и меня тоже. Ждала, когда я разорву нашу связь...

– И поэтому не пыталась ничего сделать с собой? Чтобы я не умер вместе с тобой?

Я не решился ей признаться, что как глава прайда умру вряд ли сразу из-за потери истинной (скорее со временем от потери сил), а вот она в случае моей смерти... Хотя я же не ставил ей метку, значит, ничего не будет... Волчонок мог не знать этого, но получается спас ей жизнь. А то я всё это время радовался, что она ни разу не попыталась причинить себе вред... И меня, наверное, тогда побоялась убить во сне, думала, что умрёт тоже... Просто не знала, как именно, и испугалась. Или не хотела «быть как они».

Девочка вздохнула и несмело посмотрела на меня сквозь пелену слёз:

– Почему не бьёте?

– Элисса, будто я тебя обычно всё время бью!

– Ааа... – протянула она, словно догадалась о чем-то.

– Что а? Ну, говори.

– Трогать будете значит.

– Я же не делаю больно, Элисса. Да успокойся же, ну... Тшшш, – утирал я солёные капли, не имея возможности и сил не пытаться её успокоить. Но она усиленно замотала головой, освобождаясь от моих рук.

– Я испугалась тогда, да... Но не хотела... Клянусь Вам... Я не хотела... И... рада... что Вы живой... Что я не... не как они... хоть Вы и...

«Ужасный», – не договорила она. Но моё сердце тоже было радо, судя по тому, как бешено начало стучать. Вообще я предполагал нечто подобное, что она сделала это не продумав заранее, но что причиной её поступка было ожидание смерти, предположить не мог.

– Я верю. Верю, маленькая. Конечно, ты не как они.

Мне всё ещё было больно. И я прекрасно понимал, что это наш не последний разговор на подобную тему. Моё молчание она воспринимает как нежелание знать, как пренебрежение её чувствами и прошлым, значит, мне нужно переступить через себя и исправить это. Ведь я на самом деле не спрашивал. И каждый раз переводил разговор, если начинала говорить она.

Мысль, что моя крошечная Элисса не хотела убивать меня, конечно, радовала, но причиной было то, что не хотела быть как те уроды, что издевались над ней и другими в лаборатории. Даже не то, что умрёт со мной сама, не её ко мне хоть какие-то чувства (как выяснилось, кроме ненависти и страха ничего так и нет), а именно нежелание превращаться в подобие тех мразей...

И тогда по всему выходило, что из нас двоих именно она сделала больше. Что сделал я? Притащил ей гору тряпок (хотя она носит одну майку, свитер и всего двое одних и тех же штанов), ненужную собаку, сделал комнату, как кукольный дом купил, вот какой герой. Зато она для меня... продолжает жить... хоть и не хочет. И это ради того, кого считает одним из своих мучителей. И кто из нас двоих такой уж молодец? Кто сделал больше? Я со своими тупыми подарками, которые ничего мне не стоили, потому что мог подарить ей ещё пятьсот таких комнат и собак, или она... отдавая единственное, что у неё есть. Жизнь.

Мне казалось, что я как благородный рыцарь из дебильной девчачьей сказки. Вытащил её из плена, героически убил её врагов, окружил вниманием и заботой. Возможно, мне просто хотелось видеть себя таким. А теперь выходило, что моя принцесса не хотела, чтобы её вытащили, она лишь ждала, когда её плен завершится естественным путём.

Да и убивал я вовсе не героически, а воспользовавшись силой главы прайда, заведомо не имея возможности проиграть. Моё же внимание только лишь пугало её, заставляя думать, что попрошу взамен, потому что она никогда не видела другого. Да и такое ли внимание ей было нужно? Элисса просила меня говорить с ней, но никогда – целовать, оставаться с ней на ночь. Всё это время мы будто жили в параллельных мирах, и каждый видел одну и ту же ситуацию совершенно иначе. Я твердил о том, что мы семья, а она знать не знает, что это такое. Может в её голове женщина в семье только и должна готовить, убирать, как она мне всё время предлагала, и рожать детей каждый год, чего боялась до ужаса.

И ведь по началу я понимал, что она огрызается и не верит по объективным причинам, а потом сдался, устал, и начал искать подвох, считать её чуть ли не коварной преступницей. Она права. Я сделал вид, что ничего не было. Мне казалось так проще нам обоим. А вышло, что только мне. Ей вообще не проще. Избегая этой темы, я заставил её копить всё в себе около двух лет. И надеялся на чудо.

Сам я даже упустил момент, когда из понимающего и терпеливого превратился в истеричного тупицу. Скорее всего, когда она выстрелила в меня. Та, кого я считал своим смыслом.

И этот выстрел сработал как амнезия, заставив меня забыть все данные ей прежде обещания. *Буду тебе кем угодно, только выживи... Никогда не сделаю больно. Это наш общий дом.*

Глава прайда, блядь. А не смог понять элементарных вещей. С прошествием времени я уже отодвинул своё чувство вины в самые далёкие уголки своей души. Заставил сосредоточиться не на том, как я виноват перед пленниками, а на том, что смогу сделать, чтобы всё исправить. И по факту перестал помогать только одной из них – той, которая была дороже всего. Потому что как последний трус боялся услышать, что она пережила. Боялся отвезти её в клинику, потому что не знал, что из этого выйдет в итоге. И вот результат. За то время, пока остальные смогли худо-бедно начать новую жизнь, ей стало только хуже.

– Если Вы хотите, то... можете... меня наказать.

– Я не хочу.

– Можете побить, например.

– Я не стану тебя бить, Элисса.

Считает, что раз мне неприятно слышать правду, то непременно должен вытворить нечто подобное.

– Тогда... укусите. Больно. Или... – упрямо нахмутив брови, она всё же договорила. – Или тоже... как я Вас...

– Ты мне предлагаешь стрелять в тебя?

Она серьёзно кивнула. Что только творится в этой сумасшедшей голове?! Больная. Больная на всю голову. И я вместе с ней... Потому что сам не заметил, как привлёк её ближе и обнял. Уткнулся носом в висок, склонившись в три погибели. Хотел сделать это с тех пор, как вышел из больницы. Вот так держать её. Знать, что она моя и со мной. И сопротивлялся. Обижался, как капризная девчонка. Даже не попытавшись поговорить.

– Так скучал по тебе... – выдохнул, сдаваясь снова.

Напряжённая крохотная девочка в моих руках молчала. Хотя вдруг мне показалось, что плотнее прислонилась щёчкой к моей груди, в которой бешено грохотало сердце. Но может это я сам её так прижал?

– Элисса, а зачем ты... испортила оладушки? Ведь специально так сделала.

– Чтобы Вы меня ненавидели тоже.

– Зачем?

– Чтобы не... как её... лучше бейте.

Я легонько погладил пушистые волосы и немного отстранился. Вот идиот.

Глава 9

Ирбис рычал внутри. Моя, моя, моя. Живая такая. Крошечная. Нежная. И вовсе не лицемерка, просто испуганная девочка. Мы оба сейчас чувствовали это как никогда остро. Потому что это с нами она говорила. В нас видела угрозу, да, но и надежду на понимание тоже в нас. Как бы не боялась, но рассказала. Да, слишком надолго мы отложили этот разговор, но лучше поздно, чем никогда.

Ей не нравится, когда трогаю. Она называет меня чужим. Пусть. Это по крайней мере всё объясняет. Хотела попробовать иначе, но боялась заходить дальше. Боялась меня, но всё равно из всех вокруг тянулась именно ко мне. И этот её поступок с завтраком теперь казался мне не актом мести, а забавной историей о том, как эта малышка обдурила меня и моего расслабившегося зверя, не ожидающего подвоха от неё, готового принять из её рук без опаски что угодно. Жаль, что она это сделала потому, что думала, я стану вести себя с ней, как с Эликой. Но в остальном, вспоминая своё лицо в момент, когда вместо воздушного, чуть сладковатого вкуса ощутил горечь и соль, теперь хотелось усмехнуться, а не разнести полдома.

Мне вообще казалось, что почему-то после этих её слов я стал сильнее. В груди что-то горело. В конце концов, Эмина она тоже ненавидела, как выяснилось, но пожалела и привыкла теперь. Может со мной будет так же?

Положил ладонь на сердце, пытаюсь унять жар. Элисса тут же встрепенулась:

– Вам плохо?

И я разглядел в её вопросе не совсем заботу. Это нечестно – врать ей в таком. Каково жить под постоянной угрозой смерти, будучи уверенной, что твоя жизнь зависит от другого человека (ну да, оборотня)? Ещё и её эти вопросы о том, как именно это произойдёт.

– Элисса... Если меня не станет, ты не умрёшь.

– Но он... сказал...

– Он ошибся. На тебе нет моей метки. Ты не умрёшь. Да, будет неприятно сначала, но не больно. И ты сможешь жить дальше.

Интересно, я сейчас подписываю себе приговор? Ведь теперь ей ничего не помешает... Хотя... Она же не хочет быть «как они»... Вздохнул. Да и, по сути, это я вложил в её руки оружие, сам дал напутствие палить по каждому, кто сделает больно, а потом просто взял и сделал сам. Ещё и обиделся, что она испугалась и решила защищаться. Жаль, что теперь Эмину не задать трёпку за такие заверения. И благодарность вместе с тем не выдать. Ведь по всему выходило, что всё это время она боролась сама с собой только по одной причине. И мне нужно её сохранить.

– Правда?

– Правда. А вот если с тобой что-то случится, то я подохну точно, – почти не соврал. Потому что и сейчас-то не вижу смысла в своей жизни, а без неё и подавно. Ну не могу я оставить ей эту лазейку.

Девочка погрустнела, будто я только сорвал её план. На это и был расчёт.

– Ты же не станешь себе ничего делать, чтобы я не умер, правда? Целый прайд барсов зависит от меня.

– Они ужасные, – она поморщилась, а я вопреки здравому смыслу улыбнулся.

– Нет, Элисса. Не все. Есть же крошечные котята, есть молоденькие девушки, как ты. Разве они тоже ужасные? Я мог бы показать тебе как-нибудь...

Она пожала плечами, глянув на повреждённое запястье. М-да, просто не будет. Дотянулся до тумбочки с баночкой мази и подал ей.

– Обработай, пожалуйста.

– Вы... не будете?

– А ты хочешь, чтобы это сделал я?

Девочка замялась.

– Ну вот видишь. Обработай. Я... прошу у тебя прощения за это. Признаю, что бываю несдержан, но очень постараюсь держать себя в руках впредь. Хоть и говорил тебе уже это, но попробуй поверить мне снова. Пусть это будет последний шанс?

– А если Вы... ну...

– Не сдержу обещание? Тогда, скажем... Что ты хочешь? Давай придумаем мне страшное наказание.

– Я не хочу наказание... – она судорожно выдохнула, как дети после того, как долго-долго плакали. Но вроде и правда успокаивалась, только смотрела с опаской. А в общем даже почти не дрожала.

И это заявление меня немало удивило.

– А что же тогда?

– Просто не надо так больше... пожалуйста. А я... я больше не буду портить завтрак и... грубить.

– Договорились. Кстати... Если тебе не нравится Эмин, то мы можем отдать его кому-то. Тебе вовсе необязательно с ним возиться.

Псина чихнула от возмущения и ткнула носом в её щиколотку, глядя на нас так, будто мы обсуждали, как его съесть, а не поменять хозяев. Элисса перевела взгляд с него на меня. И мне показалось, что ей неудобно перед комком шерсти за то, что тот слышал моё предложение.

– Я... уже привыкла... и он же тоже. Так нельзя.

Вот как? Быстро же этот проныра из «ненавижу собак» превратился в «я привыкла». И сидит ещё с видом победителя просто. Прекрасно всё понимает. И кажется насмехается над таким неудачником, как я. Вроде как вот, ко мне привыкли, а к тебе, дубовая голова, нет. Может стоит присмотреться к его поведению и попробовать что-то скопировать... Стоп. Я всерьёз сейчас собираюсь повторять за собакой?! Снова глупости в голову лезут.

Из тупых мыслей вырвал вопрос:

– Вы же не станете теперь его... прогонять?

– Не стану, пока ты за него просишь.

– Я прошу.

Она закусила губу. Так, как делала, когда хотела что-то узнать.

– Спрашивай.

– Просто... Вы сказали про детей «котят».

– Когда-нибудь я покажу тебе, как выглядят наши дети. Они могут быть и обычными, и оборачиваться. Ты никогда не видела?

– Там были только... страшные... как те, что в клетках.

– Наши не такие. Они очень милые и ласковые. Тебе понравятся, если увидишь. Просто мне не у кого попросить ребёнка на время, боюсь, такая просьба будет немного странной, – попытался пошутить.

Шутка была не понята.

– Я бы показал тебе своего зверя, но ты вряд ли захочешь. Да?

Пара тут же напряглась и немного отодвинулась.

– Понимаю, что те, кого ты видела прежде, были агрессивными и выглядели пугающе. Но в нормальном состоянии мы совсем другие. Я не стану оборачиваться при тебе, если ты не хочешь. Не пугайся.

– А что у Вас... за зверь?

Блядь. Я даже этого ей не рассказал. Пара. Жена. Ага.

– Ирбис. Снежный барс. У него светлая, мягкая шерсть, голубые глаза с вытянутым, как у кошек, зрачком.

– А что он... ест?

Огромные глаза начинали наполняться паникой.

– То же, что и я. Мы питаемся вместе. Например, сегодня утром мы оба испробовали прекрасные оладушки.

Элисса покраснела.

– Не думай, что если я не злюсь, то стану настаивать на чём-то большем, чем разговоры. Да, я сглупил, что пытался слишком быстро сократить между нами дистанцию, но ты не говорила, что не хочешь, а я неправильно понимал твоё поведение. Видишь, как просто становится друг друга понимать, если общаться.

– Не просто, – нахмурилась она.

– И что ты не понимаешь?

– Вы не злитесь.

– Ты бы хотела, чтобы я злился сейчас?

– Нет, но... Вы же всегда злитесь, если я делаю что-то не так.

– Ты просто рассказала мне, что ты думаешь. И ты права, что не виновата в том, что не можешь чувствовать по-другому. Я бы хотел, чтобы ты видела меня другим. И не боялась совсем. Но понимаю, что сам дал повод. И не один. Правда пока ума не приложу, что делать с этим теперь.

– Я тоже, – вздохнула она, вроде бы подвигаясь на сантиметр обратно.

Мне же не показалось?

Но раз уж мы начали этот непростой разговор, то нужно бы если и не завершить его окончательно, то хотя бы выяснить как можно больше. Пусть Элисса и сказала, что я не хочу спрашивать её о многом (наверное, отчасти так и есть, мне правда это тяжело даётся), пусть мне самому столько ещё нужно у неё выяснить (только сначала самому спокойно переварить), но есть вопросы, которые просто нельзя откладывать.

– Можно ещё тебя спрошу? Это важно.

Элисса кивнула. Хотя кажется мы оба ощущали некую неловкость, повисшую в воздухе. Не привыкли говорить по душам. Не привыкли доверять друг другу. Да. Не только она мне, но и я ей.

– Царапины на груди. Откуда они?

И вот она только сидела рядом, поглядывая на меня с ожиданием, вздыхала, успокаиваясь. Я радовался, что не впадает в истерику и не начинает огрызаться. А стоило спросить об этом, как передо мной снова насупившийся ёжик. Молчаливый ёжик.

– Ты не хочешь об этом говорить?

– Нет.

– И предлагаешь мне ничего не делать, пока тебя кто-то обижает? Или не кто-то?

Покачала головой.

– Ну и как мне этот понимать?

Она резко встала и отошла к окну. Пришлось медленно, чтобы не пугать, следовать за ней. Но стоило приблизиться, как девочка опять закрылась, обняла себя руками и вздрогнула.

– Ты сказала, что чувствуешь моего зверя и что я злюсь, так?

Привычный кивок вместо ответа.

– Это потому что связь работает в обе стороны. Я тоже чувствую тебя иногда, когда твои эмоции очень сильные. Но сейчас скажи, в данный момент я злюсь?

– Нет. Вроде...

– Не вроде. Я не злюсь. Тогда почему ты сейчас боишься?

– А может Вы и не злой... сделаете что-то.

– Не злой я делал тебе что-то плохое? Хоть раз.

Пожала плечами неуверенно.

– Почему ты думаешь, что именно теперь сделаю?

– Не знаю.

– Не знаешь, но боишься на всякий случай? Или если ты будешь бояться, это что-то изменит? Ведь нет, правда? Видишь, я спокоен. Не обиделся на тебя. И не собираюсь тебя наказывать. Просто хочу говорить с тобой. И всё. Даже трогать, как ты говоришь, не буду. Тем более всё остальное. Мне важно знать, кто причиняет тебе вред. И если это делаешь ты, то я должен знать, почему. Я помочь хочу, Элисса.

Она порывисто выдохнула.

– Так кто оставил на тебе эти следы?

После затравленного (опять!) взгляда в свою сторону и вздоха как перед прыжком в воду я услышал то, от чего едва тут же не рухнул столбом.

– Это Вы сделали.

Вот это заявление. Я?!

Дальше последовала сцена из немого кино. Я смотрю на Элиссу круглыми, ошарашенными глазами (да чего уж – охреневшими глазами я смотрю), она пугливо – на меня. И явно не собирается ничего добавлять. И главное, выражение лица у неё такое – уверенное. Словно и правда других вариантов просто нет.

Но что значит, я сделал?! Я её пальцем не коснулся! Нет... коснулся, конечно... но... Я не царапал её! Что она несёт?! Новую волну ярости подавил невероятным усилием воли, убеждая себя, что вся её прежняя ложь была следствием причин, о которых я даже не думал, как и её странные поступки. Поэтому нужно просто разобраться. Одно дело оговаривать кого-то другого, другое – меня же самого! Ведь я как никто знаю правду.

– В смысле... Элисса? Это же не я!

Ну сложно подбирать верные слова, когда тебя обвиняют в подобном. Я же не отрицаю, что причинял ей боль, и вины своей не отрицаю, но тут вообще нечто, не поддающееся объяснению.

– Вы.

И безапелляционно так она это говорит!

– Элисса... я бы никогда... Ты всерьёз хочешь сказать, что я тебя царапаю?!

– Да. Ночью, – и хмурится ещё так натурально!

– Это ложь. Я не прихожу к тебе.

Долгое время уже не прихожу! А когда приходил, обнимал – было, целовал, ну в волосы и щёчку – тоже да, но наносить раны?! Что за мысли в её голове? Чуть не ляпнул, что вообще-то тут камеры. Но вряд ли она этому порадуется.

– Приходите, – почти прошептала.

– Когда? Зачем?

Да не было такого! Мне кому верить теперь: ей или самому себе?!

– Теперь Вы злитесь...

– Нет, я возмущён. Потому что не прихожу к тебе.

– Ааа... ну раз Вы так решили, – пара отвернулась от меня.

И вновь сделала это так, словно не собиралась доказывать свою правоту, но была совершенно точно в ней уверена. И этот её взгляд на меня как на сумасшедшего.

– Нет, – снова развернул её к себе, легонько (на самом деле легонько) удерживая за плечи. – Расскажи всё. Ты сказала, что видела меня. Что я говорил?

Мало ли, может у неё галлюцинации?

– Ничего.

– Просто пришёл, поранил тебя и ушёл, так что ли?

– Нет... – она покраснела.

Это что я там такого делаю по её логике?!

– А что тогда?

– Ничего.

– В смысле ничего?

– Я не скажу. Вы сами знаете.

– Но я не знаю, Элисса!

– Знаете... – она опустила голову.

– Ты поэтому от меня шарахаешься?

– Не только, ещё Вы злитесь, поэтому страшно.

– Но... ты считаешь, что я прихожу ночью и царапаю тебя, и это тебя пугает меньше, чем просто злость?

Снова пожала плечами.

– Элисса... – вот сейчас будет прям очень тупой вопрос. – Ты уверена, что прям видишь меня? Именно меня. Здесь.

– Да. Вас.

– И... как часто я... прихожу?

– Несколько раз в месяц.

– То есть это не первый раз?! Там есть старые шрамы... тоже я?

– Да...

Что за ерунда?! Ну что за бред-то?! Пригляделся к ней. Она не выглядела совсем уж не в себе. Да, странная. Но такой она была давно! И не настолько же, чтобы пытаться солгать мне же обо мне!

– Ты поэтому сказала, что я часто делаю больно?

Она кивнула.

– Элисса, ты ошибаешься. Я не касался тебя. Тем более не царапал! Зачем мне это?

– Я не знаю... чтобы лечить потом?

– Элисса! Ну уж совсем извращенца-то из меня не делай.

Теперь молчание тяготило. Она, кажется, всерьёз решила, что я намеренно отрешиваюсь от правды. Я точно знал, что не страдаю провалами в памяти и периодически провожу время за камерами. В том числе ночью. Кстати, о них. Я же почти не выпускаю её из виду! Как, когда и главное – чем она могла успеть причинить себе вред? Шрамы от когтей мне было бы сложно спутать с чем-то другим.

– Давай мы оба успокоимся и потом поговорим ещё раз нормально?

Ну а что мне остаётся? Хоть пятьсот раз могу ей сказать, что это не я, она же своё твердит. Главное, что это не кто-то чужой её обижает. А раз это может быть только кто-то из нас, точнее, раз это делает она (зачем меня пытается убедить в другом – другой вопрос), но думает, что её жизнь связана с моей, то непоправимого не должно произойти. Да и с сегодняшнего дня я вообще её из виду не выпущу.

Элисса обхватила свои плечи руками и промолчала. По неведомой причине, даже если она правда думает, что это я, то раны от когтей по ночам её пугают меньше, чем моя злость. И теперь я должен обязательно с этим разобраться.

Глава 10

В итоге после нашего разговора с Элиссой весь день не мог думать о чём-то другом. Если честно, не очень понимал, что именно побудило её наконец высказаться как есть, даже предъявить в некотором смысле претензии, но был этому так рад, что не мог вспомнить, чему ещё так радовался в последнее время. Хоть какой-то дряхлый верёвочный мостик начал появляться между нами.

И пока всё же больше склонялся к мнению, что причина её откровенности в том, что я наконец остыл и перестал рычать на неё в прямом и переносном смысле (более того, вечером получил подтверждение этой идее извне, откуда вообще не ждал).

По всему выходило, что если Элисса ощущает мою злость, то когда её во мне нет, ей не так страшно и проще довериться. А значит, всё то время, пока я пытался общаться с ней нормально, но кипел внутри – она это знала. И вот самое тупое, что я потомственный оборотень, а значит мне и стоило подумать об этом заранее, сразу. Но нет блядь, из-за своих тупых обидок я не учитывал такого важного фактора. Да и на самом деле мне следовало бы учесть ещё ой как много всего.

Про себя решил, что больше правда не позволю себе касаться её грубо и требовать вести себя так, как мне хочется (так она вроде сказала, и отчасти была права). Мужик я или нет в конце концов? Что значит «не сдержался»? А эта истерика из-за какого-то завтрака чего стоит? Но, конечно, дело ещё было в том, что незакреплённая связь расшатывала мои и без того расшатанные прайдом нервы.

Помимо моих личных проблем, ежедневно я решал вопросы прайда, бизнеса нашей стаи, исследовательского центра, дела в котором с исчезновением Эррин шли всё хуже. А ещё Эрдан какого-то хрена отпустил истинную, и я вообще не понимал, что делать с ним и стоит ли искать её. А может тогда она и не истинная ему вовсе? В страшном сне не могу представить, что может меня заставить отпустить Элиссу. Не видеть её каждый день, хотя бы по камерам, не говорить с ней, не быть уверенным, что она в безопасности...

Что-то похожее на пытку.

Вот опять все мысли сходятся на ней только. Она для меня словно центр всего. За что бы не взялся, всё равно разумом (и не только) возвращаюсь к ней. Да, я понимаю, что так будет до тех пор, пока на ней не появится метка и это не успокоит моего зверя. То есть ну очень нескоро. Не под наркозом же мне её кусать... Хотя и в этом случае не поручился бы, что пройдёт.

Вечером совсем некстати появилась Элика, я и забыл, что договорились встретиться. Но когда дошли до моей комнаты, куда я потащил её скорее, чтобы спрятать, чем чтобы продолжить встречу в более приватной обстановке, вдруг с совершенной ясностью понял, что не могу так больше. Просто не могу. Даже физически у меня не встанет. При том что от неудовлетворённости готов на стену лезть. Но не могу я не с Элиссой! Хотя... пока даже представить не получается наш с ней секс. Казалось, это вообще невозможно.

– Я не могу, – признался честно любовнице и сел на постель, опустив голову на руки.

Всё казалось неправильным, грязным. И она передо мной, и я сам. Даже показалось на краткий миг, что стоит ей начать приставания первой, ответу откровенной грубостью. Хотя уж кто-кто, а эта женщина передо мной ни в чём не была виновата.

– Что такое? Ты устал?

Оборотница неспешно подошла сзади, неслышно взобралась на кровать и начала осторожно массировать мне шею и плечи. Я сцепил зубы, чтобы сдержаться. Внутри всё клокотало.

– Не трогай.

Она тут же убрала руки, потому что в просьбу неосознанно добавил приказ главы прайда, что не позволило послушаться. Только видимо она и не собиралась. Потому что дальше её заигрывающий, кокетливый тон вдруг изменился.

А я неожиданно понял, что никогда с ней не говорил даже толком, поэтому и представить себе, что она может общаться нормально, без флирта и прочих штучек, просто не получалось. Да и не пытался, если быть честным. Уже давно поняв, что ребёнка она мне не подарит, больше её не рассматривал не только как спутницу, но и как женщину нормальную, с которой можно просто говорить о чём-то. Оправданием мне служило лишь то, что её кажется всё устраивало, поэтому встречались мы вовсе не для разговоров.

– Оу... В этом смысле? А я всё думала, когда же. Это из-за неё, да?

Ты глянь, какая проникательность.

– Не лезь не в свои дела.

– Эрнард, расскажи мне. Тебе же не с кем даже поговорить больше.

– Ещё я только душу перед тобой не изливал.

Она весело рассмеялась, будто я пошутил, а не обидел, но продолжила выглядывать из-за спины. Надо же, впервые слышу её смех. Он, оказывается, у неё довольно приятный.

– А ты думал, я гожусь только для одного?

Грациозно перебравшись вперёд, женщина уселась рядом со мной, по-турецки сложив ноги. И я в кои-то веки посмотрел в её лицо. Красивое и совершенно не глупое. То, что она не уродина, я знал. Но вот прямо сейчас будто увидел впервые. Так странно.

Оказывается то, как выглядит человек (хоть и от человека в ней ровно половина), зависит от нашего к нему (ней) отношения. Прежде я видел лишь упругие, горячие губы, которые издавали весьма недвусмысленные звуки. Теперь оказалось, что к ним прилагается миловидная внешность и глубокие глаза с пытливым взглядом.

А тем временем она продолжила, ничуть не смутившись моих разглядываний и тона. Хотя о чём я? Какое смущение между нами?

– Нет, мне безусловно жаль терять такого любовника, как ты. Но и стать твоей личной жилеткой, я тоже не против. Всё равно понимала, что рано или поздно ты дашь мне отставку из-за той девочки.

Я нахмурился, силясь понять, откуда такая осведомлённость. Ну ничего себе мысли у моей «всего лишь временной женщины».

– Ай-яй-яй, глава прайда. Решил, что я слепая и глухая? Да, я видела её. И прекрасно понимаю, кто она тебе. И судя по тому, что время ты проводишь со мной, отношения у вас, мягко скажу, не очень. Ведь так?

– Не лезь, куда не просят, Элика.

Она как-то так странно усмехнулась, будто и правда понимает гораздо больше, чем я думал. Наклонила голову вбок так, что прядь тёмных волос упала в довольно глубокое декольте. И стоило мне проследить взглядом эту траекторию (честно, без всякого умысла), как она взяла своими длинными наманикюрными ноготками мой подбородок и приподняла, чтобы вновь смотрел ей в глаза.

– Сейчас я скажу кое-что, даже если после этого ты меня прогонишь. Хотя терять мне, судя по твоему безразличному взгляду, всё равно уже нечего.

– Если это касается моей пары, то... – собирался предупредить её, что не стоит, но один пальчик переместился мне на губы, требуя замолчать.

– Её, Эрнард. И я всё равно скажу...

Я усмехнулся. Судя по всему, ни одна женщина в этом доме не собирается ко мне прислушиваться. Разве что домоправительница иногда интересуется моим мнением. Ключевое слово – иногда.

– Ты дурак, Эрнард, если думаешь, что всё исправится само собой. Не исправится.

Надо же как категорично.

– Что ты вообще можешь знать о нашей ситуации? Давай будем честными, не с твоей репутацией давать мне советы.

Она безразлично повела плечами.

– И без советов обойдётся. Просто расскажу кое-что. Я не говорила тебе раньше, но... когда мне было шестнадцать, один из прихвостней твоего отца, решил, что может просто взять понравившуюся ему девушку в прайде без спроса.

Моя челюсть едва не упала на пол с громким стуком. Никогда бы не подумал, что в её жизни могла произойти подобная история.

– После этого мне хотелось только одного... Сам понимаешь. Но сначала наказать его. Я сделала это своим смыслом. Пообещала, что отомщу. Даже пошла искать справедливости к твоему отцу, а он, знаешь, рассмеялся мне в лицо и сказал, что с меня не убудет. Своему папе я не сказала, потому что он был слабее и вызвал бы обидчика на бой по нашим правилам, но точно бы проиграл. А я тогда помогала в клинике, поэтому тайком там раздобыла препараты, чтобы не забеременеть, а ещё средство, чтобы стереть с себя чужой запах. Первое время не выходила больше из дома. Мерещилось, что он где-то рядом. Его мерзкое лицо снилось мне по ночам. Я была одна с этим кошмаром. Было мерзко и стыдно признаться кому-то. И всё же я не выдержала и рассказала... Одной медсестре. Она была очень старая и казалась мне мудрой и доброй. Я думала, что она может мне помочь. А она... Не думал, откуда в нашем прайде слух, что я шлюха? А у меня не было никого больше. Правда, – улыбнулась она на мой не сдержанный скептический взгляд.

– И с тех пор я решила никому не говорить, не доверять. Только стащила там бутылку с концентрированной кислотой и сама пошла к той мрази. Он обрадовался... А когда уснул... – глаза у кажется уже бывшей любовницы полыхнули злым огнём, так похожим на ту ненависть, что испытывала ко мне и всем оборотням Элисса.

– Я влила ему её в рот. И просто смотрела, как он захлёбывается собственной кровью. Долго, мучительно...

У меня сейчас просто долбанное дежавю, словно вижу перед собой свою крошечную пару, с любопытством рассматривающую трупы тех уродов в моём гараже. У этой на лице было совершенно то же самое. Какое-то мстительное удовлетворение. В тот момент реакция Элиссы меня испугала, а сейчас я начинал видеть всё в другом свете.

– Тогда я чувствовала, как мне становится чуточку легче. И ещё решила, что не должна терять свою жизнь из-за какой-то мрази. Поэтому скрыла все свои следы, вывезла его подальше и спрятала тело. Потом нашла способ познакомиться и сблизиться с тобой, чтобы все знали, что сплю с сыном главы прайда. Тогда на меня даже смотреть начали бояться. Из-за тебя. И я смогла просто жить, без мысли, что кто-то поступит со мной так же снова. Ну и секс с тобой оказался очень приятной штукой. Как наркотик. К счастью, я вовремя поняла, что не одна на самом деле, у меня были любящие родители, свой зверь, тогда ещё только родилась сестрёнка. В то время обращалась и подолгу ходила по лесу, иногда охотилась, срывая свои негативные эмоции, выплёскивая страх. Мне это было просто необходимо, потому что пока копишь в себе, начинаешь сходить с ума.

Она чуть прикрыла глаза, будто вспоминая ощущения.

– Потом я тренировалась убивать быстро даже более сильного противника вроде медведя... Это помогло мне чувствовать себя защищённой, уверенной. Поэтому ты, как и все остальные, считаешь меня беспринципной стервой, не видя ничего кроме той брони, в которую я себя заковала. И нет, внутри я уже давно больше не напуганная девочка, которую обидели, я и правда стала сильнее, приняла и отпустила всё. Это было непросто, но у меня вышло. Так вот. Все знают, откуда ты привёз пару. И думаю, ты сам понимаешь, что не такой хотели бы видеть твою избраницу. Может тебе не скажут в лицо, но что думают, ты и без меня догадаешься. И

у неё ведь кроме тебя нет никого рядом. Ни защиты в виде второй сущности, ни близких. Ты прав, что не мне читать тебе нотации, но ты ведёшь себя как мудака.

Это какой-то злой рок, что все мои женщины, что бывшие, что будущие, считают меня уродом?

– Серьёзно. Девочке помощь нужна, а ты таскаешь меня к вам в дом. Я молчала, чтобы не прогнал, но раз уж теперь всё равно, то решила высказать.

У меня сегодня день откровений, похоже.

– Хочешь, я сделаю ей успокоительный отвар? Он и на общее физическое состояние влияет. Мы в лаборатории с Эррин пытались травами тоже помогать. На людей лучше действует. Моя бабушка и мама травницы, и я занимаюсь тем же.

Эээ, Элика травница?! Никогда не интересовался, чем она занимается. И наверное от этой лавины информации и продолжал молча слушать.

– Ты можешь всё проверить, я не наврежу. Мне жаль её. Но только потому, что я примерно знаю то, что она может чувствовать. Остальным, как и твоему отцу, может казаться, что не произошло ничего ужасного. Что всё легко забыть. Так считает каждый, кто не пережил хоть нечто подобное. Хотя у тех, кто пережил есть другой минус – они считают, что если они справились отлично, то и другие на слабость не имеют права. Но это не так. Все же разные, кто-то будет биться в истерике, кто-то мстить, кто-то захочет забыть и не вспоминать больше. Универсального рецепта нет. Принято считать, что жертва насилия должна забиться в угол, замататься в одежду с головы до ног и резко стать кроткой, тихой, забитой. Стоит проявить характер, а ещё хуже – хоть каплю возмущения – ты уже не жертва, ты уже абсолютно здоровая, нормальная. Значит, всё уже хорошо и спрашивать с тебя надо как с других.

И снова я понял, что камень достиг моего огорода и попал прямо в цель. Будто она мои мысли читала и знала, о чём мы говорили с Элиссой недавно.

«Вы делаете вид, что ничего не было. Но это Было! И я не могу забыть...»

– Но если же ты слишком долго помнишь – то уже слабачка, не способная переступить и жить дальше. Даже ты поначалу не приводил меня сюда, скрывал от неё, берёг. А потом устал и забил, я понимаю. Но представь, как она устала. И если я могла, ты можешь отвлечься, забиться, заняться чем-то другим в привычной для себя и комфортной среде, то она-то нет... Понимаю, что после этого разговора ты меня видеть больше не захочешь, но... имей ввиду, если я не найду другого способа, то продолжу всем врать, что по-прежнему твоя любовница. И мне поверят.

– Что мне сделать, чтобы хоть что-то исправить?

Вопрос вырвался сам, я не собирался спрашивать. Но её история так меня потрясла, что не мог рассуждать здраво прямо сейчас.

– Кто я такая, чтобы давать советы? Могу предположить, что нужно доказать, что ты другой. Что нечего бояться. Создать комфорт, ощущение безопасности.

С этим как раз и проблема.

– Эрnard, она ведь твоя пара, не моя. Ты должен чувствовать, что ей нужно. И только ты можешь помочь. Говорю же, нет универсального способа. Но сброшу тебе номер хорошего специалиста, который помог мне разобраться в себе.

– Он мужчина?

– Думаю, ты ошибаешься, что с женщиной будет легче. Дело в том, располагает собеседник к себе или нет. Иногда взгляды женщины, которая должна, казалось бы, быть солидарна, колют сильнее мужских.

– А про какой отвар ты говорила? Впервые слышу, что Эррин использовала травы.

Элика как-то странно усмехнулась, от чего мне показалось, что все вокруг знают тайну Эррин, кроме меня. Но ведь не скажет. А заставлять её силой главы прайда – просто нечестно.

– Я готовила ей много отваров, один из них– для подопытных. Им помогало. Сама при тебе выпью, можешь посмотреть, что ничего ужасного не будет.

– Ты знаешь, где она?

Оборотница промолчала, приподняв бровь. Знает.

– Я ищу её с фонарями по всему городу! Скажи ей, пусть вернётся и просит, что хочет. Я ошибся на её счёт.

– Окей. Но вряд ли она просто так поверит тебе.

– Ты знаешь, что произошло между нами?

– В общих чертах. Но гарантий, что завтра тебя овод в одно место не укусит, и ты не распахнешься снова, у неё нет. У меня-то были свои способы тебя успокаивать, – она хмыкнула, – не у всех на тебе они сработают.

– Передай, что я извинюсь, если ей это важно. Не для себя же прошу. Там бывшие пленники дохнут, как мухи снова. И ещё. Если всё, что ты сказала, в том числе про отвары, правда, то я сделаю тебя правой рукой Эррин в центре и не позволю на тебя даже смотреть неуважительно, не только подойти к тебе ближе, чем следует. Но если ты солгала...

– Я сказала правду, Эрnard, – её глаза загорелись.

Сделав себе мысленную пометку всё проверить, я отправился провожать женщину к выходу. У самого крыльца она коснулась моих губ целомудренным поцелуем, вроде как в последний раз. Не ответить ей я причин не нашёл. Но в этот момент услышал за спиной грохот.

У лестницы стояла Элисса, а перед ней лежал разбитый стакан с молоком. Белое пятно растекалось по полу и ковру. Явно для Эмина предназначался ужин. Долбанное дежавю, только в прошлый раз застала меня тут с Эррин.

Девочка неотрывно смотрела на мои губы огромными глазами, потом оценивающе посмотрела взглядом по фигуре моей спутницы, её губы скривились, будто собралась плакать, и бросилась наверх к себе в комнату.

– Неловко вышло, – ступевалась Элика, но уже не глядя на неё, я кинулся вслед за парой.

Глава 11

Нашёл её с затравленным взглядом, полным обиды у подстилки с Эмином. Девочка обнимала его и что-то горячо шептала в лохматое собачье ухо, а на её глазах и правда были слёзы.

– Что случилось, Элисса? Почему ты плачешь?

Осторожно и медленно приблизился, не имея сил отвести взгляд от трогательно шмыгающего носа и больших глаз в уголках которых блестели солёные капельки. Чем больше мы общаемся с ней, тем более красивой и притягательной она мне кажется. Даже этот её голосок с нотками упрёка:

– Вы не... сказали...

Отодвинулась от меня и вжалась в стену. Её нижняя, такая нежная, розовая губка дрожала, сама она всхлипывала. От этого я изо всех сил пытался держаться, чтобы не начать обнимать и гладить её по этим невозможно милым, светлым кудряшкам. И как же это сложно.

– Что я не сказал?

– Что теперь у Вас новая... пара...

Кто? Элика? С чего вдруг такие выводы? Удивила так удивила. Присел рядом прямо на пол, чтобы ей не приходилось запрокидывать голову, глядя на меня.

– Почему ты решила, что она мне пара?

– Вы... её... как меня... А когда теперь... мне собираться?

– Куда на этот раз?

– Ну... она же не захочет, чтобы я была тут... Можно Эмин останется?

– Элисса, – всё же взял её за ручку и даже не разозлился. Совсем, – никто никуда не уходит. Тем более, эта женщина не моя пара.

– Но Вы её...

– Что я её?

Серьёзно не понимал, как она определяет, кто кому пара. У нас же нет отличительных знаков. Вот, например когда видела со мной Эррин, почему-то не думала, что она моя пара. И до этого знала, что ко мне кто-то приходит, за что после разговора с Эликой теперь было ещё более стыдно, но всё равно, парой не считала. А тут-то что? Элисса перевела взгляд на мои губы.

Так вот как она определяет...

– Целовал?

Кивнула.

– И что? Я могу целовать любую, не обязательно пару, – ведь это чистая правда. И не думаю, что в ней есть хоть капля ревности по этому поводу.

Но её глаза расширились, словно всё это время я жестоко обманывал, а сейчас раскрылась правда... Так она думала, что я целую её только из-за того, что пара? Это потому, что до этого никто из наших не целовал, так решила? Или считает, что без парности меня уже никто целовать добровольно не готов?

Даже усмехнулся своему последнему предположению. Я ведь «ужасный», ну да. Настоящая, единственная и такая наивная пара замерла, глядя на мои губы.

– Вы... улыбаетесь, – прозвучало как-то неуверенно.

Будто она сомневалась, что я и на это способен.

– Улыбка у меня тоже страшная? – просто у неё сейчас было такое лицо...

– Ну... нет... просто Вы никогда не улыбаетесь. Это Вы... надо мной смеётесь?

– Нет, Элисса, конечно, не над тобой. Я просто рад, что мы разговариваем, а не ругаемся.

– Вам тоже... хочется... говорить со мной?

Из её вопроса я услышал главное – «тоже».

– Да. Тоже хочется. Но не потому, что ты моя пара. А потому что мне хочется говорить именно с тобой, кем бы ты мне не была. И даже если случится невероятное, и связь между нами исчезнет, то я никуда тебя не прогоню. И Эмина тоже, раз уж он с тобой. Он же с тобой, не передумала?

Она энергично закивала головой, видимо, всё ещё опасаясь, что я избавлюсь от этого наглеца.

– Ну вот. Поэтому не нужно собираться каждый раз, как у тебя возникают сомнения.

Она снова посмотрела на мои губы. Так, будто они испачканы чем-то. Я даже подумал, что может ей всё же хоть немного неприятно, что касался кого-то, как её. Но толком порадоваться этому не успел, как она приоткрыла ротик и сразу же закусила губу. Уже так выучил этот жест.

– Что, Элисса?

– А можно тогда меня больше не... ну...

Раскатал губу, болван. Ей просто не хочется с тобой целоваться! Едва подавил желание схватить её за шею и впиться в нежные губы. Так, чтобы стонала только от этого! Чтобы поняла наконец, что это не наказание, а наоборот! Я ведь очень приятно целуюсь! Ну правда. Честно.

Но ведь с ней так не сработает, поэтому ответил спокойно другое:

– Можно.

Она кивнула. Да. Прям образцовые отношение с женой: я вожу к себе кого ни попадя, она просит не целовать себя. Отличная семья, ничего не скажешь. Хотя я и не собирался целовать её в то время, пока встречаюсь с другой (хрен знает как с таким отцом моё воспитание было не совсем уж беспринципным), но всё равно её просьба задела. Интересно, сколько должно пройти времени, чтобы я перестал так реагировать на её ко мне настоящие чувства?

– Но Вы теперь... снова злитесь...

– Я не злюсь, Элисса!

Она съёжилась от громкости моего голоса, которую случайно не отрегулировал, как следует, подтянув колени к животу, а пёс глухо зарычал на меня, оцетинившись. Девочка смотрела мне прямо в глаза. С каким-то ожиданием что ли.

– Я правда не злюсь. И сам собирался с тобой поговорить сегодня. У меня к тебе есть предложение...

Кажется, она напряглась.

– Точнее просьба. Я хочу, чтобы ты попробовала пообщаться с одним специалистом.

Тут же моя крошка превратилась в колючий кактус.

– Он не будет тебя касаться, тем более изучать. Не станет ни на чём настаивать. Просто разговор. Если тебе очень сильно не понравится, то я не буду тебя принуждать. Но если понравится говорить с ним, то ты продолжишь. Хорошо?

На её лице мне почудилось разочарование что ли. Но почти сразу осознал, что не почудилось. Она же думает, что я не хочу говорить с ней о прошлом, что мне это неприятно. И тут – «поговори с кем-то другим, Элисса».

– Мы тоже будем с тобой много-много разговаривать. Правда. В любое время, как ты захочешь. Я не считаю тебя грязной, как ты сказала. Ты нравишься мне такой, какая ты есть. Честно, я не обманываю, – поймал себя на том, что общаюсь с ней почти как с ребёнком, слова такие выбираю, интонации, но может ей так и проще будет? – Просто я не могу тебе чего-то посоветовать, только поддержать, понимаешь? Я хочу, чтобы тебе больше не снились кошмары, чтобы ты не вздрагивала от громких звуков и не боялась всех чужих. Но это не в моих силах. Прошу тебя. Всего один раз. Вы поговорите, и если ты не захочешь, мы больше никогда его не позовём. Я тебе обещаю. Если будет нужно, я готов быть рядом с тобой. Никуда не уйду. Ты согласна?

Она пожала плечами. А я подумал, что впервые вот так начистоту разговариваю с кем-то. Действительно озвучиваю все свои мысли, признаю неспособность что-то решить. И вовсе не потому, что она не имеет возможности использовать эту информацию против меня, а просто... мне так сильно хочется быть с ней честным.

– Тебе же не нравятся кошмары, правда?

– Не нравятся.

– Ну вот. Нужно от них избавиться. Давай попробуем? Вместе.

– А Вам это... зачем?

– Мне не всё равно, хоть ты и думаешь иначе. Я очень переживаю за тебя. Но ты права, что иногда реагирую неправильно. Это не со зла, от непонимания. Я тоже буду учиться общаться с тобой.

В её глазах мелькнуло нечто похожее на сомнение и надежду одновременно, но озвучила она совсем другое:

– Вас там ждут, наверное.

– Меня там никто не ждёт. Но если бы и ждали, ты для меня важнее всех.

Конечно, она не поверила. Потому что совсем недавно я вёл себя иначе и не говорил того, что сказал сейчас. Но тот факт, что мы снова просто общались друг с другом, что она не кричала, не плакала сейчас навзрыд, обижалась, что я сразу не рассказал ей о том, что нашёл «новую пару», и успокаивалась от моих объяснений, уже говорил о том, что кажется мы наконец на верном пути. А через пару дней я в этом только убедился.

За это время проверил слова Элики и выяснил, что действительно пятнадцать лет назад молоденькая оборотница помогала в клинике. Что там же работала та старая медсестра. И именно в тот период поползли неприятные слухи. Спустя примерно год таинственным образом исчез ублюдок, о котором она говорила. А ещё спустя пару лет она впервые подошла ко мне сама на одном из собраний, якобы что-то спросить. Самого вопроса я не помнил уже, потому что вместо ответа мы тогда закрылись в ближайшей подсобке.

Тогда я не собирался с ней встречаться, и мне казалось, что ей это было и не нужно. Только удивляло, что она всячески демонстрировала наши... совсем не платонические отношения. Но среди оборотней с учётом горячего темперамента мало кто из девушек, а парней тем более, очень долго был один, да и смена партнёров не является чем-то ужасным, поэтому забил на слухи о ней. Мы относимся к такому проще, чем люди.

Ещё выяснилось, что пленникам Эррин правда давала какой-то отвар, и говорили, что делала его Элика. А перестали потому, что ей самой потом просто не поверили и не доверяли из-за её сомнительной репутации (считали дурочкой, способной только на одно). Вот они идохнут у нас из-за этого!

Отдал приказ немедленно возобновить, и – о чудо почти всем стало лучше. Убедившись в этом и действительно заставив Элику саму пить из принесённой мне склянки, а потом всю ночь оставаться на виду (без обычного нашего развлечения, просто спать), я таки решился отнести кружку с отваром Элиссе. Хотя предварительно отхлебнул и сам, ощутив после какое-то общее спокойствие. Ну значит и ей навредить не должно. Да и бывшая любовница вроде понимает, что если поможет, то и я помогу ей, а если нет... Что я сделал с работниками лаборатории никто не забыл.

К моему удивлению, к отвару девочка отнеслась более благосклонно, чем к приёму лекарств, которые, как выяснилось, снова перестала принимать. Говорила, что ей от них плохо. Но зато после того, как выпила сладковатую мутную жидкость, которую я ей вручил, Элисса смогла почти нормально есть! Ну как нормально. Я бы с таким питанием долго не протянул, а вот для её комплекции – уже большой прогресс.

Не затягивая на этот раз, сразу проверил и того мозгоправа, контакты которого мне передала Элика, и оказалось, что он довольно известен в узких кругах. Да и опыт огромный. Убе-

дившись, что на вид доктор представляет собой интеллигентного старичка, вроде нашего глав врача клиники, а не брутального мачо, я всё же связался с ним и попросил приехать. На что получил категорический отказ.

Вроде как в привычной атмосфере он проводит сеансы только если пациент себя там чувствуем максимально комфортно, а так как я не мог за это поручиться, он убедил меня привезти Элиссу к нему.

Моя крошка ехать куда-то, конечно, боялась, заставляя меня ненавидеть врача заранее, ещё до личной встречи. Но правдами и неправдами, заверениями и почти что клятвами я вроде бы смог убедить её, что рядом со мной даже за пределами дома ей ничего не угрожает. Это она в клинику ехала молча и безропотно, когда думала, что злюсь и собираюсь её там оставлять, а теперь, когда мы общались нормально, и я сразу объяснил, куда мы направимся, она сопротивлялась до последнего. Хотя всё равно в этом споре (если можно назвать её упёртое молчание и качание головой спором со мной) победил я.

Перед началом их более предметного общения сразу после знакомства, попросил доктора выйти из кабинета, чтобы понимать, что он собирается с ней делать. Мягко говоря, меня послали, уточнив, что помощь здесь оказываться будет пациенту, а передо мной отчитываться никто не собирается, ведь если мне не хватило ума за неполные два года предпринять хоть что-то, то ну такой из меня в этом деле помощник. Сказал он всё это крайне вежливо, но смысл был именно таким.

Единственное, что мне всё же посоветовали, чтобы я не навредил ей своими действиями, это то, что раз уж решил взять на себя ответственность за эту девочку, то теперь должен нести её и дальше (капитан очевидность, ты посмотри). И всё же кое-что из его длинного монолога с отчитывающими интонациями я почерпнул.

Например, что моя пара в стрессовых ситуациях может поступать нелогично для меня, руководствуясь лишь рефлексам и инстинктами, которые подсказывают ей, как избежать повторения уже пережитого. А если она с детства жила не в благоприятной среде, то можно умножить на сотню её переживания и травмы. И это нормально в её случае врать, изворачиваться, манипулировать, даже выстрелить снова в кого угодно, хоть в любимую собаку, лишь бы избежать угрозы, которую могу не видеть я, но видит она.

А ещё, что из-за травмы она может иногда сама не понимать, как ей лучше, не знать, что именно чувствует, но отвечать на мои вопросы исходя из того, что я хочу услышать, то есть как бы «подбирая» ответ. И мне нужно ей как постараться, чтобы перестать на самом деле быть чужим ей и стать другом. Тем, кому можно доверять.

Во время сеанса я сидел в коридоре один, думал. И чуть позже из кабинета появилась Элисса, даже без слёз и истерики, которых, признаться, я ожидал. Мне рассказывать, о чём шла речь с доктором, она отказалась. Врач тем более. Выходило, я один не у дел. Но когда пара несмело ответила согласием приехать ещё раз, был так рад, что хотелось этого вредного старика расцеловать просто. Пусть отчитывает меня дальше, только бы ей это помогало.

– Всё в порядке?

Девочка привычно кивнула и бросила на меня вроде как оценивающий взгляд. На предмет чего меня сейчас оценивали, я не знал, как и результаты этой оценки. Но она не отшатывалась от меня, позволила держать себя за руку по пути на парковку, и даже сокращала между нами расстояние, когда проходили скопление людей. Кстати, заметил, что сюда тоже поехала в той же закрытой, тёплой, мешковатой одежде, в которой ходила и дома.

– Тебе нравятся эти свитера или ты их носишь по другой причине?

Она замерла посреди улицы.

– А Вам?

– Мне всё равно, что на тебе надето. Правда. Главное, чтобы тебе было удобно. Просто интересно. Ты так больше и не покупала ничего с тех пор...

С тех пор, как попросила разрешение носить бельё и заказала три (всего!) комплекта. Да, я подглядел, что именно. Но не потому что я чокнутый сталкер, а... мне было любопытно, что ей нравится. Ну что сказать? Она купила обычные хлопковые вещицы крохотного размера. Всё.

– Мне ничего не нужно, – пожалала она плечами.

Когда подошли к автомобилю, распахнул перед ней дверцу и помог сесть, поддерживая за руку для опоры. Лишь по губам прочитал «спасибо», так тихо она это сказала. Вообще на любой мой вежливый жест она реагировала именно так, терялась и еле слышно благодарила.

Усадив Элиссу на переднее сиденье, я аккуратно вёл машину и внимательно следил за ней, ожидая хоть каких-то комментариев. Но она задумчиво молчала, глядя в окно. Не рассматривала улицы или магазины, а просто смотрела в пустоту перед собой. Только чуть позже заметил её замороженный взгляд на проходящего мимо ребёнка с огромным розовым облаком в руках. Впервые я видел, что ей что-то действительно нравится, поэтому спросил сразу же:

– Хочешь сахарную вату?

Элисса вздрогнула, словно я вырвал её из глубины мыслей, хотя наверное так и было, правда ведь задумалась, и перевела глаза на меня, чуть хмурясь. Но поняв вопрос, смутилась и отрицательно покачала головой, чуть подняв плечи. Словно я застал её не за разглядыванием ваты, а за совершением преступления.

Тогда сам прислушался к её ощущениям, натянув тонкую ниточку между нами. Почувствовал сожаление или нечто похожее. Вспомнил, что мне сказал вредный врач. И резко развернул машину на первом же перекрёстке. Она вцепилась в ремень безопасности пальцами, но не издала ни звука.

– Скоро вернусь, подожди меня, ладно?

Продолжая следить за ней (первую попытку побега я не забыл), отошёл к киоску и взял точно такое же огромное розовое облако, которое привлекло её внимание прежде. Его же и вручил ей, открыв пассажирскую дверь и чуть отодвинув кресло назад, чтобы уместилась эта громадная мечта диабетика. И только тогда снова вернулся за руль.

Элисса продолжала держать сладость, разглядывая, но не попробовала даже, лишь принюхивалась, стараясь делать это незаметно, и пододвинула руку с палочкой чуть ближе ко мне. Зачем?

– Почему ты не ешь?

Кажется, она смутилась, взглянув робко. Эээ... решила, что я себе купил эту ерунду, если она отказалась? Ну да. Поэтому молча и отдал ей, чтобы подержала. А прямо сейчас на её глазах сяду и съем. Даже представить эту картину было сложно, не то, что проделать в действительности. Но кажется её мышление и правда работает как-то иначе.

– Перестань так делать, прошу тебя. Я терпеть не могу сладкое, кроме того, что ты готовишь. И уж точно не стал бы ради своих желаний возвращаться. Мне хотелось сделать приятное тебе.

Её шея покрылась красными пятнами. Не только я не привык к её откровениям, но и она к моим, судя по реакции. Я не старался особо демонстрировать то, что замечал в ней раньше, а теперь говорил прямо, как думаю, надеясь получить то же в ответ.

– Всё хорошо, Элисса. Ешь. Если правда очень вкусно, то тоже попробую.

Отщипнув себе облачный кусочек, она отправила его в рот и чуть зажмурилась. Со следующим поступила так же, но перед этим облизала сладкие губы кончиком языка. И как-то сразу в машине стало жарко. Я бы включил кондиционер, конечно, на максимум, но кажется, жарко было мне одному. А медленно поедающей лакомство девочке точно нет...

Тут я и задумался, что моя Элисса (чёрт, как же приятно это произносить даже мысленно – *моя Элисса*) может быть сладкоежкой. У нас дома покупных сладостей вообще нет. Она вот только оладушки готовила, иногда домоправительница пекла какой-то пирог, да и всё. И я ни разу не подумал, что ей может нравится что-то вот такое.

Хотя прямо сейчас все свои силы бросил не на размышления и планы всё исправить, а на то, чтобы смотреть ровно на дорогу. Во-первых, чтобы не смущать её своими плотоядными взглядами. Во-вторых, мне нужно довести её живой и здоровой. Но один глаз всё равно сам собой косил на пассажирское сиденье, не повинуюсь мысленному приказу прекратить...

Было заметно, что Элисса наслаждается процессом, погрузившись к нему. Всё её внимание было сосредоточено на сладости. Ни на меня, ни в окно она больше не смотрела. Крутила палочку в руках, глубоко вдыхала ванильный аромат и ела, облизывая губы, которые я вообще-то тоже хотел облизывать... Как перестать об этом думать?!

Когда объем облака уменьшился вдвое, всё же спросил на всякий случай:

– Ну как тебе, нравится?

Тихое «да» одновременно с благодарным (впервые!) взглядом пронзило меня просто насквозь. Шумно сглотнул, наблюдая, как она собирает губами прилипшую вату теперь со своих тонких пальчиков. Так, нужно сосредоточиться. Вся кровь от мозга отлила совсем не в то место, которое помогло бы мне вести автомобиль.

– А Вы хотите?

Вот это неожиданно. Но наверное вежливо.

– Если только ты мне подашь, нельзя же отпустить руль.

Она замерла на пару секунд, но всё равно оторвала кусочек и протянула мне. И повезло так, что мы оказались на зелёном светофоре, что позволило наклониться к её ручке и принять угощение, не останавливаясь и не отрывая рук от руля, чуть коснувшись губами сладких пальчиков.

Элисса отдёрнула ладонь, воззрившись на меня с... изумлением. Фух, пронесло. Не напугал до смерти, и то хорошо.

– Правда вкусно. Можно ещё?

И нет, мне не было вкусно. Ужасно сладко, даже приторно, слишком много ароматизатора для оборотня... Но несмотря на это я выглядел довольным как никогда. И вот вообще не из-за ваты. Ей нравилась эта сладость, она получала от чего-то удовольствие, сама согласилась на терапию, едет сейчас рядом, ещё и сама предложила поделиться со мной. Когда мне в последний раз так везло?

Тут пара замялась, заставив меня добавить, чтобы не портить атмосферу:

– Но я пойму, если тебе неприятно меня кормить.

Только отказать мне ей было, судя по всему, неудобно, вроде как я её угостил и возил, и вообще я сегодня послушный, хороший оборотень. Поэтому дальше мы ели по очереди. Кусочек она клала себе в рот, а следующий протягивала мне, хоть и немного вздрагивала каждый раз, как задевал губами её ручку. Я честно старался делать это не слишком часто, но полностью себе запретить не мог.

И никогда (клянусь чем угодно!), никогда в жизни я не был так расслаблен, спокоен и счастлив. Именно сейчас в полной мере ощутил, какую радость возможно испытывать рядом с ней. Просто, потому что это она. Моя. Кормит меня с рук. Уплетает эту штуку сама. И выглядит как обычная, разве что очень-очень молоденькая и миниатюрная человеческая девушка. Не бывшая пленница. Не сломанная куколка. А моя пара. Родная. Любимая. Маленькая...

Только когда мы были уже почти возле дома, а сладость закончилась, я заметил, что она сидит, неловко сложив руки на коленях ладошками вверх, липкие наверно, неприятно. Естественно, предлагать ей облизать каждый её пальчик желание подавил. Неимоверными усилиями.

Зато, как последний дебил, потянулся к бардачку и, вытащив оттуда салфетки, подал ей. Сначала не сообразил, что значит этот её взгляд. А потом кааак сообразил.

М-да, так спалиться.

– Тут просто дорога уже знакомая, частный сектор, а в городе так нельзя, – пояснил, стараясь сделать совершенно обычный вид, но уже понимал, что больше мне такого не светит. Ведь она прекрасно поняла, что машину я и до этого мог вести без рук вовсе, лишь прикидывался, чтобы она меня кормила.

Вот пень какой...

Только с учётом того, что Элисса согласилась общаться со специалистом, теперь мы ездили туда минимум один раз в неделю, а то и два. И по дороге обратно каждый раз я покупал ей вату, а она... почему-то продолжала протягивать кусочки лакомства мне, кажется сделав вид, что поверила в мою ложь, чем заставляла моё дряхлое от всех переживаний сердце заходиться в бешеном ритме.

Я обожал эти наши поездки. Потому что после них она становилась какой-то неуловимо другой. Да, некоторое время о чём-то думала. Но без паники и ужаса на лице. Потом отвлекалась на совместное поедание разноцветных сахарных облаков (оказалось, они бывают не только розовые). А дома... начала снова рисовать.

Даже уточнил у доктора, не нужно ли привозить её чаще, на что получил ответ, что выстраивание наших с ней отношений не находится в его компетенции (и как только он понял, зачем мне это!), но ничего плохого в том, что я пытаюсь наладить контакт, он не видит, и подсказал мне, что вообще-то могу возить её не только на эти их встречи. А ведь правда. Я даже ни разу не спросил, хочет ли она куда-то ещё!

Глава 12

Но предложил Элиссе поехать куда-то я ой как нескоро. Вообще с момента нашего с ней откровенного разговора всё закрутилось с какой-то просто бешеной скоростью. Проблемы лезли со всех щелей, и решать все следовало именно мне.

Во-первых, вернулся Эрдан. Злой, нервный и кажется немного отупевший Эрдан. Я просто не узнавал племянника и всё никак не мог понять, что же повлияло на возвращение его облика и разделение со зверем. А когда узнал, что позже он запер в одной из палат нашего загородного дома свою пару, да ещё и обошёлся с ней по-скотски, то вообще взбесился и притащил обоих к себе, чтобы были под присмотром. Надеялся, что со временем его избранница сможет стать для ЭлиССы кем-то вроде подруги, но явно просчитался, потому что та только и мечтала сбежать от моего ставшего психованным и неуправляемым племянника.

Да и сама ЭлиССа не горела желанием общаться с кем-то, кроме меня и своего доктора. Шарахалась от этой девушки как от прокажённой. Хотя совсем скоро я и сам уже мечтал избавиться и от неё, и от племянника. Столько хлебнул с ними двумя, что прибить хотелось обоих.

Однажды, защищая истинную племянника, ЭлиССа случайно коснулась того места на моей груди, куда стреляла, и потом на пару дней снова замкнулась. Успев привыкнуть к нашему странному, но уже постоянному общению, я с ума сходил всё это время. Но к счастью, она оттаяла в ближайшую же совместную поездку после покупки сладости, и желание убивать я в себе подавил.

Почти одновременно с этим вернулась наконец Эррин. Только не успел этому долго порадоваться, как оборотница тоже рассказала мне часть своей истории, ту, в которую готова была посвятить. Ну что сказать? Если коротко, то я охренел. Да такое ни в одной стае не примут. Однако каждая захочет использовать её в своих целях. Она – и благословение, и проклятье одновременно, тем более уже вляпавшаяся по самые уши...

Но взяв с неё слово хранить свой секрет как можно дольше, взвесил все за и против, и решил, что оставить её и защитить в случае чего лучше, чем потерять исследовательский центр и такого специалиста.

Теперь по крайней мере там стало хоть что-то налаживаться. Две оборотницы с глав врачом нашей клиники принялись за дело вместе и даже смогли вывести дрянь из нескольких подопытных из числа тех людей, кто был превращён в оборотней. Тут-то и выяснилось, что Элика тоже не далеко ушла от своей новой подруги... Но меня это больше не касалось. Пусть живут обе, как хотят, вреда никому не наносят, а нарушение наших традиций... Да уже хрен с ними, с традициями.

И если бы это было всё, я был бы невероятно рад. Но видимо, чтобы dokonать окончательно, примерно тогда же у меня нашёлся младший брат. Брат, блядь! В лесу. Даже подохнув, отец не переставал делать мне сюрпризы, и я ненавидел его всё больше. Особенно с учётом того, как именно я узнал о новом родственнике, и какую дичь он творил из-за экспериментов нашего общего предка, которого мне стоило убить, видимо, ещё раньше. Теперь я мало того, что держал и его в клетке в загородном доме, так ещё и одновременно был вынужден следить (не сам, конечно, но контролировать это всё постоянно кому?) за девчонкой, которую угораздило попасть под его горячую... лапу.

Со стаей серых волков мы уже почти враждовали. Старый альфа не выдержал произошедшего с сыном и умер от сердечного приступа. Эмина они запретили где-то подальше от чужих глаз, не позволяя мне хотя бы попробовать помочь. Но имея всего два положительных случая из ста, помощник из меня был такой себе. Стаю возглавил старший брат Эмина, Эмир*, который и прежде не вызывал у меня тёплых чувств, а после случившейся в их семье двойной (точнее, тройной, если учитывать его личную историю) трагедии стал совершенно невыносим.

Он отказывался доверять хоть кому-то, обособившись от остальных, и на мой взгляд, вёл стаю к полному вымиранию, отказавшись сотрудничать с нами и теми из людей, кто был на нашей стороне.

В общем, если коротко – то пиздец наступил незаметно, но быстро. Просто не знал, за что хвататься. Единственное, что было стабильным – наши поездки с Элиссой к врачу. И сахарная вата. Много. Слишком много для оборотня. Но как отказываться, когда она тянет мне часть этого облачка сама?

Вообще, поняв, что моя крошечная пара обожает сладкое, я забил весь холодильник сверху донизу всевозможными пирожными, печеньками, шоколадом и прочими вещами, в составе которых сахар порой стоял на первом месте. И судя по тому, что запасы приходилось регулярно пополнять, хотя она сама никогда ничего не просила и на мои вопросы типа «что купить» пожимала плечами, всё же моя сообразительность была оценена по достоинству.

Да и вообще между нами вроде появилось хоть что-то общее. Мы чаще разговаривали, хотя я всё ещё не мог подобрать нужный момент, чтобы спросить её о том, что мучает её больше всего. Но по крайней мере она уже почти всегда отвечала на мои отвлечённые вопросы, чаще смотрела в глаза, а не как прежде – на подбородок. Даже начало казаться, что Элисса вроде бы тянулась к общению со мной. А может в некотором смысле и ко мне самому.

Например, после очередного раза, когда увидела выходящую из моего кабинета Элику, она надулась и ушла на кухню. Куда я, собственно, и направился. Вообще оборотница навевалась ко мне теперь исключительно по работе, близкие отношения мы прекратили после того разговора, но моя пара об этом не знала. А я решил пока не говорить... Сам не знаю, на что рассчитывал.

– Что такое, Элисса?

Недовольная девочка повернулась ко мне спиной, делая вид, что что-то готовит. Хотя по факту перемешивала одну муку в ёмкости. Но на этот раз она уже была осведомлена, что другой пары у меня нет.

– А зачем она к Вам... приходит?

– Ты же сама сказала, чтобы меня любил кто-то другой. Вот пожалуйста, – подыграл я её подозрениям, руководствуясь скорее интуицией, чем здравым смыслом.

– Но она не любит! – горячо возразила пара и обернулась. Даже кивнула для верности, подтверждая сказанное.

– Откуда ты знаешь?

Элисса открывала и закрывала ротик, но не могла придумать причины. Только брови нахмурила. И видимо решила зайти с другой стороны.

– Поэтому... Вы хотите, чтобы она приходила?

– Мы уже говорили с тобой об этом. Нужно же мне иногда расслабляться.

– Обязательно так? – прозвучало с обидой, а огромные глаза блеснули уже позабытым мной огоньком.

И я не выдержал, оказавшись рядом, осторожно погладил её по волосам. Последнее время она почти не замечала подобных моих жестов, будто бы привыкла.

– Не обязательно. Почему тебя это злит?

– Не знаю. Меня не злит... Наверное.

Но тут же в противовес своим словам вырвалась из моих рук и просто пошла к лестнице. Пришлось догонять её на ступенях и развернуть к себе за плечи.

– Я же вижу. Тебе она не нравится. Почему?

Всё ещё надеялся услышать, что ей не безразлично.

– Мне всё равно...

Размечтался. Но почему-то вместо досады ощутил совсем другое.

– Тогда тем более. Или может ты и её видела в лаборатории?

Элисса вспыхнула от моей совсем неудачной шутки.

– Я... Я же... Я больше так...

И мне сразу же стало совестно за эти слова, поэтому подошёл ещё ближе и обнял легонько.

– Мне так говорить сейчас не стоило. Прости.

– А...

– Что?

– Всё равно будете её звать?

– Посмотрим, – решил не разжигать конфликт дальше, однако и такой ответ мою крошку не устроил.

Потому что тут же она недовольно запыхтела мне в плечо. А я по непонятной причине улыбнулся, продолжая её обнимать. Ну вот. И снова полон сил и энергии, а ещё недавно во мне укреплялось желание сдохнуть, чтобы хоть немного отдохнуть после всего хаоса, происходящего вокруг.

Мне показалось, что её поведение немного похоже на ревность или что-то вроде нежелания делиться. Не мною, конечно. Но, например нашими поездками, разговорами, да хоть чем-то, что связано со мной. Вообще стоило Элиссе попросить, и в нашем доме вообще ни по каким вопросам женщин бы других не было. Но она не попросила. А потому мне пришлось просто выпустить её из рук и пожелать доброй ночи.

Я бы сказал, что мне жаль расставаться с Элиссой даже на ночь, но дело в том, что «расставались» мы только для неё. А вот я уже через пару часов снова буду рядом. Ведь каждую ночь, что бы ни происходило, как бы ни устал, теперь проводил с ней, пытаюсь выяснить происхождение тех ран, что заметил на ней прежде.

На мои вопросы на эту тему она больше не отвечала, только смотрела подозрительно, будто правда не могла понять, отчего я упираюсь. Всё, что я знал – что «иногда прихожу к ней ночами». Какого хрена я её царапаю, она так и не объясняла. Желая найти разгадку, просмотрел все камеры вдоль и поперёк. На быстрой перемотке лично проверил все дни и ночи за последние несколько месяцев. Все. И не нашёл ничего подозрительного. Вообще ничего! Она спала либо одна, мучаясь от кошмаров, либо я успокаивал её. И естественно, не царапал.

Единственное время, когда не видел Элиссу – это пока она в душе. Но ставить камеры там было как-то совсем неправильно, да я бы и не отлип от них вообще тогда. Только там она могла нанести себе эти царапины, но с какой целью, так и не сообразил. Поэтому на самом деле теперь сторожил её сон, убеждаясь, что пока я тут на протяжении последних недель, царапины не появляются.

И уже начал было думать, что дело в том, что действует терапия, вот она и перестала причинять себе вред. Тот специалист, кажется, правда помогал, а я лопух, что не нашёл его раньше. Да, Элисса по-прежнему боялась чужих, но по крайней мере прекратились истерики и плач на пустом месте, за исключением нескольких моментов, когда где-то резко раздавался громкий звук или появлялась толпа незнакомых ей мужчин. Радовало лишь то, что в трёх из пяти таких случаях, она неосознанно пыталась спрятаться за меня.

Хотя изменилось ещё кое-что. Если раньше во сне Элисса только плакала и просила не отдавать, то теперь иногда звала меня... Серьёзно. По имени. Хваталась за подушку или мою футболку, сжимала изо всех сил и звала. Я не сразу понял, что примерно так же звала, когда я лежал с дырой в груди – только когда она прошептала что-то про убийство. Выходит, порой вместо её обычных, ставших редкими, кошмаров снится ещё один... И теперь я получил ещё одно подтверждение, что тот случай с выстрелом был для неё больше ударом, чем желанным освобождением.

Поэтому гладил её с утроенной нежностью, обнимал, шептал, что рядом, а она в ответ... прижималась ко мне сильнее и глубоко дышала. Понять, что именно происходит в её снах,

было сложно. Спрашивать не решался, чтобы не выдать себя. И так постоянно ловил на себе недовольные взгляды собаки, с запахом которой уже кажется смирился. Но он пристально следил за каждым моим движением, словно собирался доложить ей, когда проснётся.

Хорошо, что он не может с ней общаться, потому что сдал бы, не задумываясь, и то, как обнимаю её ногами, и то, как невесомо целую её волосы, как разглядываю её, сонную, мягкую, свою...

Даже вспоминать неловко то, что представляю себе в такие моменты. Почему неловко? Да потому что это ЭЛИССА. Да, она моя пара. Да, она почти взрослая, а если опустить разницу в возрасте, то вполне уже. Да, она невероятно красивая – вся светленькая, хрупкая с этими длинными пшеничными ресницами, волнистыми волосами, с припухшими от сна розовыми губками, которые часто приоткрываются, когда укачиваю её, и которые она так сладко облизирует язычком, когда ест сахарную вату...

Но из-за того, что с ней произошло, я всё ещё не мог себе представить нашу близость. Вообще. Фантазировал-то я много. И чего только в моих фантазиях не было, хоть и пытался себя одёргивать. Но вот чтобы сделать с ней из этого хоть что-то в реальности... Если даже представить, что она не испугается и не впадёт в истерику... КАК? Как можно её трахать?! Элиссе... Переступить через это не мог даже мысленно. До этого момента.

Эмир – гг романа «Гордая. (Не)пара для волка»

Сегодняшняя ночь была вполне обычная, не предвещающая ничего плохого. Я, как и всегда, лёг рядом с ней, притянув спиной к себе ближе. Когда она спала одна, обычно была напряжена, а стоило мне коснуться и прошептать, что я тут, с ней, уже немного расслаблялась, успокаивалась и выдыхала. Мне везло, что её сон был таким крепким, хотя и подозревал, что это скорее связь между нами позволяет ей в бессознательном состоянии довериться мне. Но насколько, я понял только сегодня...

И ведь сразу почувствовал, что что-то не так, но не догадался, не сообразил и остался с ней, позволив себе сделать то, чего никогда не сделал бы в другой ситуации.

Она лежала, откинувшись на мою грудь головой. Вкусно-пахнущие пряди волос щека-тали мне подбородок и шею, а короткие, свободные шортики спального комплекта задрались, обнажая её кожу ещё больше. И хотя я уже почти привык видеть это, всё равно было немного волнительно.

Немного – ровно до тех пор, пока моя девочка не прогнулась в спине, как мартовская кошечка и, сонно пробормотав моё имя, не прижалась плотнее попкой к моему же паху, заставив член закаменеть. Вот тут резко стало «много».

Что она творит?

Из её губ вырвался тихий стон, и я совершенно точно ощутил... Да нет же. Я наверное перепутал. Это же... Со свистом втянул ноздрями воздух и попрощался со всеми имеющимися до тех пор в моей голове разумными мыслями. Потому что почувствовал аромат возбуждения.

Её возбуждения...

Даже не зная причину этого поведения, понимал, что мне бежать надо отсюда. Со всех ног. Сегодня быть рядом нельзя. Я не смогу. Просто не удержусь. Потому что удержаться от этого запаха, от её ёрзанья просто невозможно. Это всё умножает мою к ней тягу в сотни раз, в миллионы. Уже неосознанно выпустил когти и клыки, предвкушая... Блядь...

Да, теперь уходить было слишком поздно, зверь во мне ревел, требуя взять своё. Тем более, наша самочка, кажется, хочет того же.

Остатками разума твердил себе, что нельзя. Она же спит, и явно не в себе... я не должен... Но хватка на её талии усилилась, и если бы в реальности она рванула от меня со всех ног, то теперь... продолжила приподнимать и подставлять мне свою миниатюрную пятую точку и тихонько хныкать, срывая мою крышу окончательно и бесповоротно, заставляя забыть о том, что верно, а что не верно. Вообще обо всём забыть.

«Как же я так вляпался?» – думал, уже отодвигая тонкую ткань её пижамы в сторону, чтобы освободить себе доступ к такому нежному и желанному телу. Она попыталась перевернуться, отчего крошечный, твердый камешек соска упёрся в мою руку. Девочка чуть приоткрыла мутные от желания и сна глаза, снова жалобно всхлипнула, потянулась ближе, и я пропал...

А первое, что увидел на утро – была сама Элисса. Она выглядела немного уставшей, но расслабленной. Лямки пижамной майки спущены с обоих плеч и обнажают выступающие ключицы, ставшие моим личным фетишем. Такая безмятежная, сладкая. Привычно придвинулся, уложив ладонь ей на живот. Хотя обычно делал так по ночам, а утром бежал от неё как сайгак. Но мне казалось, что раз ещё слишком рано, то она довольно крепко спит, поэтому позволил себе эту малость.

Девочка сразу же схватилась за мои пальцы. Часто так делала во сне. Но когда резко вдруг открыла глаза, глядя на меня с недоумением, от неожиданности не сразу нашёлся, что сказать. Зато сонливость схлынула мигом. Сразу же привстал, зашипев сквозь сжатые зубы и пытаюсь отодвинуться от неё.

– Не бойся только, – пришлось прочистить горло, чтобы речь была членораздельной.

Но она уже напряглась. Ещё бы, такой сюрприз с утра.

– Я просто пришёл пожелать тебе доброй ночи ещё раз и уснул... Случайно.

Услышал, как бешено стучит её сердце, а пальчики сжимают сильнее моё запястье. Неосознанно. Ну зато не отталкивают.

– Элисса, успокойся, прошу. Я уйду сейчас, если ты скажешь. Ведь прихожу днем и ничего. Ночью то же самое, просто солнца нет. Ничего не изменилось. Я не собирался причинять тебе вред. И вообще ничего делать не собирался, – и это была чистая правда.

Но моя крошка продолжала глубоко дышать и молчать, хотя паники в глазах не было заметно. Либо она её отлично скрывала (только зачем?), либо правда испугалась лишь из-за неожиданности, но сообразив, что это я, успокаивалась понемногу.

– Маленькая, скажи что-то...

Ожидал чего-то плохого, конечно. Не привыкла она видеть меня по утрам в своей постели. Но речь пошла не совсем об этом.

– Дверь же... я закрыла... – она закусила на пару секунд губу, думая, и лишь потом добавила: – Как Вы пришли тогда?

– У меня был ключ, – честно сознался.

А Элисса прищурилась подозрительно. Вот как. Кажется, меня сейчас будут отчитывать, а не пугаться.

– Только у Вас?

– Да. Только у меня.

– А вдруг нет?

– Но в этой части дома и нет никого кроме нас.

– В другой есть...

– Тебе ничего и никто не угрожает. Но я приходил иногда к твоей комнате проверить, всё ли хорошо.

– Приходили?

– Да.

– Каждый день?

– Ну... если честно, да.

Она покачала головой и чуть поджала губки.

– И... никто больше?

– Никто. Тебя же Эмин охраняет. Мне разрешил войти любезно.

Бросила на пса укоризненный взгляд. Тот и хотел бы ей сказать, что я нагло вру сейчас про разрешение (его мнение меня вообще не волновало, а если он и не кидался на меня с укусами, то только потому, что понимал, кто тут сильнее физически и чья это территория), но не мог. К моему счастью.

– Вы говорили, что не приходите, – обняла она себя руками, но уже совсем, ни капли не дрожала, даже скорее обвиняла во лжи.

И нужно отметить, что была почти во всём права, а я продолжал выворачиваться, как получалось.

– Я так думал сначала, а потом просто не стал говорить.

– Зачем?

– Чтобы тебя не пугать...

Элисса посмотрела на свою грудь в вырезе майки, заметив уже заживающие после сегодняшней ночи раны когтей. Но почему-то не накинулась на меня с обвинениями, а опустила глаза и покраснела. Она хоть что-то помнит? Или...

– Вы меня обманывали... А я знала, что это Вы.

Прозвучало с каким-то облегчением от доказательства своей правоты и немного осуждающе. Вроде как, ай-яй-яй, взрослый же оборотень, а так обманываете, нехорошо, Эрнард, нехорошо.

– Я не специально, – ЧТО, БЛЯДЬ, Я ЕЩЁ ЕЙ МОГ СКАЗАТЬ?!

Девочка снова подняла взгляд, рассматривая меня, будто пытаюсь понять.

– Что ты хочешь спросить?

– Ничего, – едва различимо и очевидно смущаясь.

Ага, вот что значит это её ничего. Ей стыдно рассказывать мне, что её беспокоит. Я чуть приблизился снова, поправив на себе одеяло, и убрал кудряшку с щеки за ушко.

– Всё хорошо, Элисса?

Кивок.

– Ты уверена?

– Да...

– Хочешь, мы всё обсудим?

– Не-а.

Солгала. Она ХОЧЕТ поговорить об этом. Но не решается.

– Расскажи мне, пожалуйста.

– Что?

На меня смотрели огромные глаза, полные ожидания.

– Тебе понравилось то, что было сегодня ночью? – решил.

Её зрачки расширились, и Элисса сразу же отпрянула.

– Не бойся. Я не собираюсь настаивать на повторении. Просто скажи, понравилось или нет.

Пара отрицательно помотала головой, не глядя. А я вдруг чётко понял, почувствовал – ей понравилось! Но не желает признаваться. А ещё... не понимает, почему ночью ей нравилось, а сейчас она чувствует другое. И если я не хочу свести её с ума, то должен придумать логичное объяснение.

– Это из-за связи. То, что ты ощущаешь. Из-за неё. Я не заставлял тебя. И сам не собирался ничего делать. Но она влияет на нас. Это кажется странным, но избавиться от этого не выйдет. И ещё я совсем ничего не помню. Если ты расскажешь мне, то буду тебе благодарен, – ну одной ложью больше, одной меньше. Быть с ней совсем честным теперь не выйдет.

Её щёчки залились краской сильнее. И это было странно. Потому что только при упоминании физической близости она впадала в истерику, это что же тогда произошло в её варианте этой ночи, что может заставить её смутиться, но не испугаться? И помнила она о ней возможно

не совсем то, что помнил я и что было на самом деле. Поэтому выяснить, что именно – для меня было очень важно. Очень.

– Вы правда всё забыли?

Мне же не кажется надежда в её голосе? Тогда вряд ли у меня выйдет что-то разведать.

– Так иногда случается от сильных эмоций.

Врать ей было неприятно. Но сказать правду – значило разрушить её новый, только начавший выстраиваться мирок. Как она воспримет то, что уже знаю я? Как поступит? И главное – смогу ли я в таком случае скрыть то, что решил, чтобы уберечь её от себя самой и остальных? Сам я провалился в этот водоворот, и уже ясно, что не выберусь.

– И раньше тоже не помните?

– Ничего. Совсем. – *Потому что раньше я не приходил к тебе! Но, конечно, не скажу об этом.* – Ты мне расскажешь?

– Нет...

– Почему, Элисса?

– Просто не расскажу.

– Это очень весомый аргумент, – мои губы сами сложились в спокойную улыбку, на которую она тут же перевела взгляд. – Хорошо, я не стану настаивать. Но тогда скажи хотя бы... я прав, что мне кажется, тебя это почти не пугает?

Вообще это и было самым главным. Если сравнивать ценность того, что именно происходит в её варианте развития событий, и того, какие эмоции это в ней вызывает, то, разумеется, важнее второе. Потому что если я прав, то мы сможем идти с ней дальше хоть куда-то, а если нет, то просто встану опять в ряд тех, кого она ненавидит всей душой.

– Правы, – робкий оправдательный приговор.

– Хорошо. Это не значит, что я стану делать так постоянно. Но мне важно было услышать от тебя, что прав.

Элисса пожала плечами. Ну да. Это для меня сегодня было открытие. А для неё всё продолжается на протяжении долгого времени, наверное, смирилась. Несомненным плюсом было то, что не испугалась моего присутствия (может догадывалась и раньше по запаху, например, или просто привыкла уже ко мне). Оставалась лишь одна мааленькая проблема...

– Пойдёшь в душ?

Она растерялась.

– Вы не уйдёте разве сейчас?

– Совсем немного ещё полежу, если ты не сильно против.

– Я... нет. Не сильно...

– Спасибо, – максимально дружелюбно улыбнулся я, наблюдая, как она соскакивает с кровати и едва ли не бегом отправляется к ванной. Но не с испугом, а как-то совсем иначе. Будто нет ничего ужасного в том, чтобы просыпаться вместе в одной кровати по утрам, только немного волнительно и неловко. Однако она обернулась на пороге, выглядывая на меня из-за двери.

– Что, Элисса?

– А потом... готовить Вам завтрак?

– Ну я не против позавтракать с тобой, а готовить не обязательно, там наверняка что-то есть.

Она задумчиво встряхнула кудряшками и оставила меня одного. Надо же, на такую реакцию я даже рассчитывать не мог. Честно, думал, что если однажды застанет меня тут, то закончится всё либо грандиозным скандалом из-за того, какой я подлец, либо её обмороком. А вместо этого мне предложили приготовить завтрак... Неужто в её воспоминаниях я так хорошо вёл себя сегодня?

Тут словил неприязненный взгляд недособаки (щенок, конечно, подрос за это время, но в размерах увеличился не так чтобы сильно, поэтому на полноценное животное, на мой взгляд, не дотягивал). Вот уж кто точно считал, что я завтрак не заслужил, так это Эмин. Чего только, спрашивается, взъелся? Сам же всё видел. Должен был меня понять.

Но если с самым сложным удалось справиться так просто, то теперь дело осталось за малым. Ну как за малым... С какой стороны посмотреть, конечно.

Убедившись, что в ванной уже льётся вода, а Элисса не планирует возвращаться прямо сейчас, я поспешно откинул с себя одеяло... И быстро, словно всю жизнь только этим и занимался, стянул с него испачканный каплями моей же крови пододеяльник. Кажется, с ней я очень скоро научусь менять постельное бельё, ведь который раз уже делаю это сам.

Глава 13

Убегал из её комнаты с таким стояком, что стягивать штаны уже в своей пришлось с превеликим трудом. Знал бы заранее, надел бы что посвободнее. А то джинсовая ткань откачивается тянуться настолько. За этим же и пришлось отправить её в ванную, чтобы не видела. Ну и плюс кровь на мне и постельном белье – тоже такое себе «доброе утро». Вряд ли моя нежная пара обрадовалась бы подобному зрелищу с утра. И эта мысль только укрепила во мне убеждение, что мы помним эту ночь совсем по-разному.

Когда я увидел вчера, что она раскрыла глаза, сначала испугался, что впадёт в истерику от того, что я рядом, что так нагло трогаю её, но она лишь осоловело хлопала ресницами и продолжала тянуться ко мне, выпрашивая ласку. Осознание накрыло – пара не отдавала отчёт своим действиям. Проблема была ещё и в том, что я тоже уже не особо отдавал...

Осторожно лаская её грудь, нежно, почти невесомо целуя шею, зачем-то шептал другое, уговаривая её остановиться. Хотя точно знал, что этого не произойдёт. Пусть без метки, но она чувствует во мне своего самца. И насколько сильно, понял только тогда, когда попытался отодвинуться титаническими усилиями, но на мою ладонь, удерживая, легла другая...

Я охренел. На её крошечных ручках были такие же крошечные звериные когти!!

Будь я послабее нервами, завопил бы. Всмотрелся в её лицо, узрев ещё и маленькие клыки. И вытянутые зрачки сейчас, как у всех наших. Блядь.

Моя девочка, моя крошка, моя Элисса в полутрансформации! Так она тоже... Врач тогда не ошибся, когда сказал, что возможно ей кололи то, что и мужчинам в клетках... Но среди них не было ни одной девушки. Мы и подумать не могли!

Те твари сделали из моей маленькой человеческой девочки оборотницу. Полностью или наполовину, я не знал. Знал лишь, что сейчас у моей крошечной кошечки... течка... и она явно чует во мне самца. Сильного. Того, кто ей подходит. Судя по тому, как прижимается и изгибается сейчас. Да и просто – истинную пару. Именно от этого и накрывает её так.

Я понимал, что это не Элисса всё делает, но также понимал, что неудовлетворённая звериная натура – это не самое приятное, что можно ощущать. Ярость, бесконтрольная агрессия... Так вот в чём было ещё дело! Она могла совсем не понимать, почему ведёт себя так! А не чуял я в ней оборотня так же, как и в остальных подопытных, потому что они такие не по крови! Ну и ночами долго у неё не бывал, а днём видимо кошечка в ней спала. Или пряталась. До определённых дат цикла...

Блядь!

Тут же, подтверждая мои мысли, она чуть развернулась, снова захныкала недовольно и провела ладошкой по своей груди, оставляя следы от когтей, а следом же вцепляясь в меня мёртвой хваткой и продолжая ёрзать. Так я был прав, она ранит себя сама же! Не намеренно и не потому, что я прихожу, а потому что НЕ прихожу... и она остаётся без нужного ей сейчас внимания...

– Эррнаррд.... – собственное имя её неразборчивым, жалобным, просящим голоском ударило под дых.

А вместе с пылающими щёчками, приоткрытыми губами и горящими желанием глазами – это было просто непобедимое оружие против меня. Как ей такой сопротивляться? Да и к чему?

Я понимал, что она у меня просит, и больше не мог строить из себя каменную глыбу. В кои-то веки мне перепало от пары хоть что-то. Кто в здравом (точнее не совсем здравом) уме сможет добровольно от этого отказаться? Вот и я не смог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.